ДОШ

doshdu.ru

ПЕРВЫЙ КАВКАЗСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛ №1 (69) 2018

12 стр.

КАК ЗАЩИТИТЬ ПРАВОЗАЩИТНИКА

Главу «Мемориала» в Чечне Оюба Титиева обвиняют в хранении наркотиков

ISSN 1818-5851

«Молитвы предков», картина Рустама Яхиханова

РЕДАКЦИЯ В МОСКВЕ

РФ. 101000, г. Москва,
пер. Лучников 4, под. 3
Тел./факс: (495) 625-06-63
E-mail: doshdu@hotmail.com

БЮРО В ГРОЗНОМ

E-mail: doshdu@hotmail.com
Тел.: (967) 155-51-01

Главный редактор
Ислам Курбанов

Шеф-редактор
Абдулла Дудуев

ОТДЕЛЫ

История/Права человека/
Общество/Культура
Екатерина Селезнева
Майрбек Вачагаев
Мария Катышева
Инна Буторина
Лея Гуревич
Малика Зубайраева
Амина Закаева

КОРСЕТЬ
- Чечня
Таус Серганова
Асет Салаева
- Ингушетия
Магомет Картоев
Хава Точиева
- Дагестан
Аида Гаджиева
Хаси Исаев
-Карачаево-Черкесия
Надежда Боташева
Асет Успанова
-Кабардино-Балкария
Селима Маликова
-Северная Осетия-Алания
Алина Абаева

Фотокорреспонденты
Хеда Омархаджиева
Юсуп Хасанов

Ответственный секретарь
Георгий Зингер

Литературные редакторы
Ирина Васюченко
Ирена Подольская
Дизайн и верстка
Яков Дмитриев

Журнал издается с 2003 г., зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-46140 от 11 августа 2011 г.

Учредители и издатели
Члены Российского исследовательского центра по правам человека:

Межрегиональная общественная организация содействия развитию гражданского общества и свободы слова «Центр кавказской инициативы»; РОО "Гражданская преемственность – право, жизнь и достоинство".

Мнения, высказанные в авторских материалах и в интервью, не обязательно совпадают с позицией редакции и издателя. Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат редакции. Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании и цитировании материалов ссылка на «ДОШ» обязательна.

Отпечатано в Издательстве «Фолиум».
Москва. Дмитровское шоссе, 157

Цена свободная.
Тираж до 10 000 экз.

Журнал распространяется в России, Грузии, Азербайджане, Армении, Литве, Норвегии, Германии, Австрии, Чехии, Франции, Бельгии, Великобритании.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЙДЖЕСТ СОБЫТИЙ НА КАВКАЗЕ

2 КАВКАЗСКАЯ ПАНОРАМА

ОБЩЕСТВО / ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

10 ПРАВИТЕЛЬСТВО – ПОД ОТКОС

12 КАК ЗАЩИТИТЬ ПРАВОЗАЩИТНИКА

20 НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПОЛИЦИИ

23 ГРАНАТА ПОД ПОДУШКОЙ

25 ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ В СТРАСБУРГ

К 74-Й ГОДОВЩИНЕ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

26 ПОТРЯСЕНИЕ

26 «Я ДУМАЛА, ЧТО УМЕРЛА, А СОЛНЦЕ В КОМНАТЕ – ЭТО РАЙ»

28 ЖИТЬ ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

29 НЕ ЗАБЫТЬ

30 «МЫ ОТСТОЯЛИ СВОЙ ПАМЯТНИК

31 «ОНИ НЕ ХОТЕЛИ УХОДИТЬ ИЗ СВОИХ ДОМОВ»

32 ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ В ОЧАГИ ПРЕДКОВ

ИХ ИЩУТ И ЖДУТ

34 ОН ОТВЕТИЛ, СМЕЯСЬ: «НЕ ЗАБИРАЛИ»

36 «РАЗВЕ МЫ НЕ ПРЕДАЛИ ИХ?»

ПАМЯТЬ

38 «ВОЙНА УЧАСТВУЕТ ВО МНЕ»

44 ОНА УМЕЛА ГОВОРИТЬ И О САМОМ БОЛЬНОМ – С ЛЮБОВЬЮ

Facebook заблокировал аккаунты Кадырова из-за «закона Магнитского»

23 декабря 2017 года страницы главы Чечни Рамзана Кадырова в “Фейсбуке” и “Инстаграме” оказались недоступны. Сначала власти республики заявили о «подлой диверсионной кибератаке». Однако позднее пресс-служба компании, которой принадлежат сервисы, сообщила «Русской службе Би-би-си», что владелец аккаунтов «числится в списке граждан особых категорий, на которые распространяется действие торгово-экономических санкций США». По этой причине Facebook «несет юридическое обязательство деактивировать аккаунты этого лица». В то же время официального ответа на запрос Роскомнадзора о причинах блокировки компания так и не дала.
Кадыров был включен в санкционный «список Магнитского» министерства финансов США 20 декабря — за три дня до блокировки – как человек, который «несет ответственность за внесудебные расправы, пытки или другие грубые нарушения прав человека».
Всего в списке 49 человек. Помимо тех, кто непосредственно причастен к гибели Сергея Магнитского, в него вошли глава СК Александр Бастрыкин, депутат Госдумы Андрей Луговой, спикер парламента Чечни Магомед Даудов, начальник РОВД Аргуна Аюб Катаев.
Сразу после блокировки Кадров заявил, что «давно хотел сам удалить свой аккаунт», но было «неудобно перед друзьями и подписчиками». В тот же день он зарегистрировался в социальной сети Mylistory. По словам Кадырова, эта новое чеченское приложение «ни в чем не уступает заморским».
Вслед за главой Чечни в Mylistory перешли все члены чеченского парламента и правительства. По словам разработчиков соцсети, которая все еще находится в стадии тестирования, после заявления Кадырова число их подписчиков подскочило с 3 тысяч до 60 тысяч, а к марту 2018 года приблизилось к 200 тысячам.
Кадыров является одним из самых цитируемых в прессе политиков-блогеров. Его «Инстаграм» насчитывал более трех миллионов подписчиков. В «Твиттере» его читают 430 тысяч человек.

Северный Кавказ продолжает работать в убыток, несмотря на дотации

В конце декабря 2017 года Росстат опубликовал детальные статистические данные за 2016 год.
Согласно статистике, Чечня, Дагестан и Кабардино-Балкария по итогам года показали отрицательный сальдированный финансовый результат, то есть суммарная прибыль всех прибыльных предприятий этих республик оказалась меньше, чем суммарный убыток всех убыточных предприятий.
Если же проследить динамику за

последние 11 лет, то окажется, что «в минус» сработали, помимо этих трех регионов, также Ингушетия и Северная Осетия. Самой убыточной оказалась Чечня (- 83,68 млрд рублей с 2006 года).
Согласно данным статистиков, прибыль в республиках Северного Кавказа приносят только финансовая деятельность, реклама и связь. Все остальные отрасли экономики, включая нефтедобывающую промышленность, туризм, строительство и даже торговлю, работают в убыток.
По мнению экспертов, это позволяет сделать вывод, что внешние вливания в виде дотаций и субсидий не изменяют ситуацию в регионе, а, скорее, ухудшают ее. «Масштабы бюджетных трансфертов остаются крайне высокими. Однако прежде чем говорить о них как о чем-то неизбежном, не следует ли задуматься о том, почему помощь федерального центра не мешает существовать в стране устойчиво «убыточным» территориям», – отмечают в своей статье в «РБК» Владислав Иноземцев из Центра исследований постиндустриального общества и Юрий Лобунов из ИА «Город 32».

Глава Меджлиса крымских татар заявил о 60 политзаключенных

5 января 2018 года председатель Меджлиса крымскотатарского народа Рефат Чубаров заявил в эфире украинского «5 канала», что на полуострове насчитывается более 60 политзаключенных крымских татар. К ним он отнес тех, кто находится в СИЗО, получил судебные приговоры или ограничен в передвижении по Крыму.
Он также добавил, что около десяти человек уже получили сроки заключения и переправлены на материковую Россию.
“И я не говорю о тех, кто присужден к огромному денежному штрафу за проявления гражданского протеста, в частности, за участие в мероприятиях 26 февраля 2014-го, а таких людей уже несколько сотен”, – отметил Чубаров.

По мнению главы Меджлиса, репрессии продолжаются с целью посеять в среде крымскотатарского народа тотальный страх.
26 февраля 2014 года в ходе митинга у Верховного совета Крыма произошли столкновения проукраинских и пророссийских активистов, в результате которых двое крымчан погибли, несколько десятков попали в больницы.

ЦИК России отказал в регистрации самовыдвиженке из Дагестана Айне Гамзатовой

5 января 2018 года Центризбирком России отказал в регистрации группы избирателей, созданной в поддержку самовыдвижения на выборы президента РФ Айны Гамзатовой - проректора махачкалинского филиала Российской академии права, руководителя исламского медиахолдинга «Рисалат», советника и супруги муфтия Дагестана.
ЦИК объяснил свой отказ рядом нару-

шений, допущенных при самовыдвижении:
уведомление о проведении собрания в поддержку Гамзатовой было направлено в Центризбирком с опозданием, Гамзатова не представила в комиссию справки о крупных расходах на себя, супруга и несовершеннолетних детей, в ходатайстве о регистрации группы избирателей отсутствовали данные о месте работы 327 членов группы.
Рассмотрение документов в ЦИКе состоялось 1 января, однако Гамзатова на заседание не попала – ее авиарейс в Москву отменили из-за анонимных звонков о возможном теракте в аэропорту Махачкалы.
Выдвижение Айны Гамзатовой было воспринято в республике неоднозначно. Наряду со словами поддержки появились и резкие высказывания, особенно со стороны салафитов. Ее упрекали не только в том, что она нарушает запрет на участие женщины в правлении.
«По шариату запрещено участвовать в подобной деятельности мусульманам, ведь Россия является демократической страной с совершенно отчётливо секулярной системой, где религия отделена от жизни законодательством», – заявили ее оппоненты. Другие высказались еще резче: «Выдвижение жены муфтия Дагестана – это унижение для всех мусульман».
Айна Гамзатова состоит в браке с муфтием Дагестана, шейхом Ахмадом-хаджи Абдулаевым и является его советником по связям с органами власти, общественностью и СМИ.
Первый ее муж Саид-Мухаммад Абубакаров тоже был муфтием Дагестана, он погиб в 1998 году в результате взрыва, устроенного террористкой-смертницей.
В медиахолдинг “Рисалат”, возглавляемый Гамзатовой, входят интернет-сайты “Ислам.ру”, “Исламдаг.ру” и газета «Ас-салам». Холдинг также издает книжную, аудио- и видеопродукцию.
Объясняя свое выдвижение, Гамзатова писала в соцсетях: «Россия – наш дом, и у нас один путь. Для меня важно, чтобы Дагестан приобрел красивый, прогрессивный и яркий имидж».
Шансы Айны Гамзатовой стать реальным кандидатом эксперты единодушно оценили как минимальные: она легко собрала бы необходимое количество голосов в Дагестане, но не в других регионах. О целях этой политической авантюры мнения расходятся.
Одни считают, что в период кадровых перестановок в республике Гамзатова стремилась заявить о себе и своем влиянии новому руководству региона. Другие полагают, что состоялась попытка проверить мобилизационные ресурсы мусульман. Третьи называют самовыдвижение Гамзатовой кремлевским проектом, призванным еще более разобщить мусульман, в том числе внутри Духовного управления.
В апреле 2016 года представители муфтията Дагестана уже пытались пройти в органы светской власти под крылом партии «Народ против коррупции». Они объявили о намерении участвовать в выборах в местный парламент и в Государственную Думу. Однако их политические амбиции властям не понравились. Бывший тогда главой республики Рамазан Абдулатипов заявил, что «духовенству не место в политике». В итоге члены «НПК» снялись с предвыборной гонки, ссылаясь на «административное давление» и «несправедливые методы борьбы».

В Дагестане убит бывший имам салафитской мечети

6 января поздно вечером в селе Муцалаул Хасавюртовского района Дагестана был застрелен имам закрытой месяц назад местной салафитской мечети 33-летний Сайгидахмед Магомедов. Неизвестные вывели его из дома и после недолгой беседы выпустили в него семь пуль из пистолета Макарова.
По одной из версий, причиной конфликта стали долги. По другой – убийство произошло из идеологических разногласий с другими приверженцами салафизма. В то же время сообщается, что предыдущий имам был вынужден уехать за границу из-за угроз со стороны силовиков.
По неофициальным данным, млад-

ший брат имама Омар Магомедов был убит ранее силовиками как участник незаконного вооруженного формирования, а старший брат Узаир Магомедов имеет судимость по статье 208 УК РФ (участие в НВФ).
В 2011 году в Муцалауле был убит помощник имама мечети. Подозреваемые в убийстве уничтожены силовиками в ходе спецоперации как члены «хасавюртовской бандгруппы».

Freedom House прогнозирует кризис демократии в Грузии

16 января правозащитная организация Freedom House опубликовала очередной доклад о состоянии гражданских и политических свобод в мире под названием «Свобода в мире 2018: кризис демократии». Грузия, как и в прошлом году, вошла в рейтинге в число частично свободных стран, однако авторы исследования прогнозируют в скором будущем возможное ухудшение положения.

Основанием для этого в первую очередь послужило принятие поправок в Конституцию Грузии в сентябре 2017 года. Поменялся принцип распределения мест в парламенте по итогам выборов. После вступления в силу поправок будет задействована система бонусов для раздачи нераспределенных мест, в которой приоритет отдается партии, получившей больше всего голосов.

Таким образом, после редактирования Конституции оппозиции будет сложнее оказать на выборах эффективное сопротивление правящей партии «Грузинская мечта».

Еще одним тревожным для Грузии сигналом стало похищение азербайджанского журналиста Афгана Мухтарлы. «Он был похищен человеком, говорящим по-грузински, затем переправлен через границу в Азербайджан, что вызывает подозрения о причастности властей Грузии», – говорится в докладе.

FH выпускает ежегодные доклады «Свобода в мире» с 1978 года. В зависимости от состояния дел с политическими правами и гражданскими свободами страны делятся на «свободные», «частично свободные», «несвободные». Доклады готовят штатные аналитики FH в Нью-Йорке, используя данные политологов, экспертов и правозащитников и сообщения местных и международных СМИ.

В последнем докладе авторы констатировали, что уровень свободы в мире неуклонно снижается в течение последних 12 лет. В исследовании рассматривается положение в 195 странах. Лишь 88 из них Freedom House относит к категории свободных стран. Россия был признана несвободной за внутренние репрессии, постановочные выборы и вмешательство в дела демократических стран.

Общественность Кабардино-Балкарии требует защитить родные языки

17 января на сайте Кабардино-Балкарского правозащитного центра было опубликовано открытое обращение филологов, деятелей культуры и науки, представителей общественных организаций к главе республики Юрию Кокову. Авторы обращения выразили категорический протест против «управляемого нивелирования национальных языков».

Поводом для обращения послужили события в некоторых республиканских школах накануне Нового года. Так, в нальчикской школе №14 администрация раздала учащимся 10-11 классов распечатанные анкеты с заявлением о добровольном отказе от изучения родных языков и литератур. Ученикам рекомендовали расписаться в заявлении за себя и родителей, высвобожденные часы планировалось посвятить подготовке к ЕГЭ по русскому языку и краеведению. При этом старшеклассников просили не говорить об этой акции преподавателям кабардинского и балкарского языков.

«Не сложно догадаться, что это был «пилотный» проект и такая же участь ожидает в ближайшее время все средние школы. Но подобные деструктивные действия ставят под удар обучение родным языкам и литературам в вузах, их дальнейшее сохранение и развитие в национальных регионах», – отмечают авторы письма.

Они также выразили тревогу в связи с тем, что родные языки и литературы больше не входят в аттестат и в перечень итоговых экзаменов. Кроме того, происходит снижение тиража национальных газет, которые раньше были ежедневными, а теперь будут выходить три раза в неделю.

По мнению авторов обращения, под которым подписалось более 80 человек, подобные новации нарушают основы Конституции РФ и КБР.

«По определению, кабардинский и балкарский языки в нашей республике наряду с русским имеют государственное значение. Просим объявить недействительными результаты «опроса» городской нальчикской школы №14, а также любого другого аналогичного «опроса» не только в КБР и Северном Кавказе, но и по всей России», – говорится в обращении.

Ранее, 21 декабря 2017 года, в Кабардино-Балкарском государственном университете состоялся научно-практический семинар, участники которого - преподаватели кабардинского языка и литературы, специалисты-филологи, студенты филфака и активисты общественных организаций – выразили обеспокоенность последовательным сокращением количества часов, выделяемых на изучение родных языков в школе.

Суть проблемы, по мнению экспертов, кроется в федеральном законе «Об образовании», в котором изучение родного языка не является обязательным в среднем общем образовании. В итоге этот предмет становится факультативным и постепенно вытесняется из школ.

В октябре 2017 года «языковой вопрос» остро встал в Северной Осетии, где в результате опроса выяснилось, что родным языком владеет не более 20% первоклассников Владикавказа. Для усиления позиций осетинского языка, его сохранения и развития в республике создали специальную комиссию под руководством главы региона Вячеслава Битарова.

Тело пропавшего летом жителя Ингушетии нашли в Беслане

17 января недалеко от города Беслана (Северная Осетия) было обнаружено обгоревшее тело жителя Ингушетии Магомеда Маматова, пропавшего 20 августа прошлого года.

В тот день Маматов выехал из Карабулака во Владикавказ за запчастями для своего автомобиля. Вскоре он позвонил родным и сообщил, что за ним следят люди на трех машинах, после чего исчез. Родственники обратились в полицию, однако это не принесло результатов. По словам брата пропавшего, Руслана Маматова, следователи предполагали, что Магомед уехал в Сирию, скрывается от долгов или просто «загулял». Родственники обращались также в правоохранительные органы Ингушетии с просьбой подключиться к расследованию, но отклика не последовало.

7 сентября автомобиль Маматова был припаркован у здания рядом с Черменским полицейским постом на границе Ингушетии и Северной Осетии. Кто его пригнал, осталось невыясненным.

17 января тело Магомеда Маматова было найдено фермером на кукурузном поле недалеко от Беслана. Поскольку на поле сжигали кукурузные стебли, труп обгорел, но родственники без труда опознали погибшего по внешним признакам и титановой коленной чашечке, имплантированной после аварии. Была проведена также экспертиза ДНК.

Следов насильственной смерти эксперты на теле не обнаружили. Смерть наступила через 2-3 месяца после исчезновения, поэтому родственники предполагают, что Маматова где-то удерживали и, возможно, пытали. По их словам, Магомед не был связан ни с криминалом, ни с религиозными фанатиками, он занимался мелким бизнесом.

Глава ингушской правозащитной организации «Машр» Магомед Муцольгов считает, что гибель Маматова на территории Северной Осетии может усугубить и без того напряженные отношения между ингушами и осетинами. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров поручил Совету безопасности республики взять расследование на особый контроль.

Осужденный за убийство футбольного фаната подал жалобу в ЕСПЧ

29 января уроженец Кабардино-Балкарии Аслан Черкесов, осужденный за убийство футбольного фаната Егора Свиридова, подал в Европейский суд по правам человека жалобу о нарушении его права на уважение частной и семейной жизни. Это право предусмотрено статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Черкесов отбывает 20-летний срок в тюрьме в Минусинске Красноярского края. Из-за отдаленности тюрьмы Черкесов лишен возможности поддерживать семейные и, в частности, брачные отношения, –отмечает юрист правозащитной организации «Зона права» Игорь Шолохов. В результате распалась его семья, сына он видел лишь однажды. Мать Черкесова, инвалид II группы, не

имеет ни физических, ни материальных возможностей ездить на свидания к сыну за 3,5 тысячи километров.

Федеральная служба исполнения наказаний отказывается переводить Черкесова поближе к дому, мотивирует свой отказ тем, что оснований для его перевода в другой регион не имеется.

Фанат «Спартака» Егор Свиридов был убит в Москве 6 декабря 2010 года выстрелом из травматического пистолета. Преступление вызвало большой общественный резонанс и спровоцировало беспорядки на Манежной площади в центре столицы. В октябре 2011 года суд признал Черкесова виновным в убийстве и приговорил к 20 годам заключения, еще пятеро фигурантов дела получили по пять лет колонии. Позже Верховный суд РФ смягчил приговор Черкесову до 19 лет 10 месяцев.

Ильхам Алиев идет на выборы – и в Ереван

9 февраля, выступая на съезде правящей партии «Новый Азербайджан», президент Азербайджана Ильхам Алиев обозначил политическую и стратеги-

ческую цель страны: «Ереван является нашей исторической территорией, и мы, азербайджанцы, должны вернуться на эту историческую землю».
Власти Армении назвали это заявление «бессмысленным и смешным» и сочли «началом предвыборной кампании» Алиева – накануне он был выдвинут от правящей партии на очередной президентский срок.
Президент Армении Серж Саргсян на встрече с сопредседателями Минской группы ОБСЕ отметил, что слова Алиева о возвращении в Ереван являются доказательством того, насколько власти Азербайджана далеки от мирного урегулирования проблемы Нагорного Карабаха.
Карабахский конфликт начался в феврале 1988 года, когда Нагорно-Карабахская автономная область заявила о выходе из Азербайджанской ССР. В сентябре 1991 года была создана Нагорно-Карабахская республика. С 1992 года в Минской группе ОБСЕ идут переговоры по мирному урегулированию конфликта. Азербайджан настаивает на сохранении своей территориальной целостности, Армения защищает интересы непризнанной республики.
Президентские выборы в Азербайджане состоятся 11 апреля – на полгода раньше, чем было предусмотрено политическим календарем. По мнению оппозиции, Ильхам Алиев перенес выборы по нескольким причинам: чтобы не дать подготовиться своим политическим конкурентам и международным наблюдателям, которые сосредоточатся на выборах президента России, а также чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией в экономике, вызванной ростом цен на нефть и стабилизацией маната.
Что касается громкого заявления Алиева о возвращении в Ереван, эксперты объясняют его желанием привлечь на свою сторону радикально настроенных избирателей и в то же время нейтрализовать соперников, которые могли бы выступить с такими крайними лозунгами.

ЕСПЧ рассмотрит жалобы родственников похищенных жителей Чечни

14 февраля в российскую общественную организацию «Комитет против пыток» поступило изве-

щение ЕСПЧ о коммуникации жалоб, касающихся похищения в Чечне Хусейна Бадургова и Хадижат Элимхановой.
По данным КПП, Хусейн Бадургов пропал 10 июля 2012 года. Он переехал в Чечню из Ингушетии вместе с женой и семимесячной дочкой, пытался устроиться на работу. После собеседования в одном из магазинов позвонил жене, начал рассказывать о его итогах. В этот момент к нему обратился мужчина, после чего связь прервалась. На следующий день отец Хусейна написал заявление о пропаже сына в РОВД Заводского района Грозного, затем родственники обратились в Следственный комитет.
Уголовное дело по факту безвестного исчезновения было возбуждено лишь спустя два месяца, что не позволило оперативно провести поиск «по горячим следам». Не были допрошены важные свидетели, не проведены другие следственные действия.
Хадижат Элимханову похитили в Грозном 6 июля 2013 года. Как заявляет ее мать, двое мужчин, один из которых был одет в камуфлированную форму и вооружен пистолетом, насильно посадили Хадижат в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. Похищение зафиксировано камерой в магазине у места происшествия. Однако уголовное дело было возбуждено лишь спустя 18 дней и неоднократно приостанавливалось.
Юристы «Комитета против пыток» в интересах родственников Хусейна Бадургова и Хадижат Элимхановой обратились в ЕСПЧ с жалобой на неэффективное расследование.
«Наши жалобы были объединены в рамках коммуникации властям России еще с двумя жалобами, касающимися насильственных исчезновений. Европейский суд неоднократно выносил решения по аналогичным жалобам, касающимся безвестного исчезновения людей в Чеченской республике, и констатировал проблему нерасследования этих преступлений как системную», – комментирует юрист КПП Екатерина Ванслова.

Израиль не признал геноцида армян

14 февраля парламент Израиля 41 голосом против 28 отклонил инициативу лидера оппозиционной партии «Еш атид» («Есть

будущее») Яира Лапида о признании геноцида армянского народа.
Израильский МИД заявил, что не будет занимать официальную позицию по этому вопросу «ввиду его сложности и дипломатических последствий, а также потому, что он имеет четкую политическую привязку».
Геноцид армян — массовая депортация и истребление около 1,5 миллиона человек в Османской империи в годы Первой мировой войны – признан 23 государствами, в том числе Россией, а также Европарламентом, Всемирным советом церквей и 44 американскими штатами.
Ранее глава МИДа Армении заявил израильскому телевидению, что вопрос признания Израилем факта геноцида армян был и остается в повестке двустороннего диалога и Ереван ожидает его положительного решения, поскольку все больше людей, выражающих общественное мнение Израиля, выступают за такое признание.
Турция, чьей предшественницей была Османской империи, традиционно отвергает обвинения в геноциде армян и считает, что акцент на событиях 1915 года мешает нормализации отношений между Анкарой и Ереваном. Президент Турции Эрдоган призвал Армению последовать примеру Турции и открыть свои архивы, чтобы дать историкам возможность выяснить правду. По его словам, события 1915 года были тяжелым периодом не только для армян, но и для арабов, курдов и представителей других народов, проживавших в стране.

Парламент Чечни предлагает ввести уголовную ответственность за искажение фактов о Великой Отечественной войне

15 февраля парламент Чеченской республики рассмотрел проект поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривающих уголовную ответственность за действия, «оскорбляющие чувства ветеранов и память погибших в Великой Отечественной войне, искажающие историю и отрицающие решающий вклад СССР и его многонационального народа в победу во Второй мировой войне».
Законопроект был подготовлен парламентским комитетом по вопросам законности, правопорядка и безопасности по инициативе главы Чечни Рамзана Кадырова.
Как сообщается в пояснительной записке, проект федерального закона подготовлен «в целях противодействия силам, взявшим курс на преднамеренное и умышленное искажение исторических событий, происходивших в годы Великой Отечественной войны».
Депутаты единогласно одобрили документ и приняли решение направить его в Госдуму РФ в порядке законодательной инициативы, в правительство и Верховный Суд РФ – для официальных отзывов, а также обратиться к парламентам других субъектов страны с просьбой поддержать их законотворчество.
Ранее, 4 февраля, на сайте РИА «Новости» было открыто голосование по вопросу «Нужно ли вводить уголовную ответственность за искажение исторической правды о событиях Великой Отечественной войны?». В опросе приняли участие 18 287 человек (по состоянию на 4.03). 71,3% проголосовавших выбрало ответ «Да, это позволит бороться с попытками переписать историю». 25,6% считают, что «такие меры слишком радикальны, достаточно штрафов». Остальным все равно.

Спасенная из ИГ дагестанка приговорена к 8 годам

15 февраля 2018 года Советский районный суд Махачкалы приговорил 34-летнюю дагестанку Загидат Абакарову, добровольно вернувшуюся из Сирии, к 8 годам колонии с отсрочкой приговора на 13 лет – до достижения ее младшим ребенком 14-летия.
Женщина признана виновной в участии в незаконном вооруженном формировании (статья 208 УК РФ). Как выяснилось в ходе судебного следствия, в 2013 году она вышла замуж за Багира Гаджиева, через год он увез ее и двух ее детей от первого брака в Турцию, затем в Сирию, где он вступил в ИГ (первый муж погиб в Дагестане в ходе спецоперации). В Сирии Абакарова родила еще двух детей, кроме того, взяла под опеку мальчика-сироту. В апреле 2017 года Гаджиев погиб при бомбежке в городе Маядине. Женщина с детьми сумела найти проводника и перебралась на территорию курдов, где провела в тюрьме около месяца, пока ее и другую дагестанку Муслимат Курбанову не забрал российский сенатор Зияд Сабсаби, который занимается поисками и возвращением из Сирии российских граждан. По прибытии на родину обе женщины были арестованы и вместе с грудными детьми помещены в СИЗО.
Согласно обвинительному заключению, Абакарова участвовала в ИГ – «выполняла различные функциональные обязанности в виде приготовления пищи, приобретения продуктов питания, стирки и пошива одежды». Прокурор просил суд назначить подсудимой девять

с половиной лет лишения свободы.
По словам Загидат Абакаровой, муж привез ее в Сирию обманом – она догадалась, где находится, только после пересечения границы, просила мужа вернуться, пыталась бежать, но безуспешно. Выступая в суде с последним словом, женщина признала свою вину, но просила не разлучать ее с детьми.
21 октября 2017 года, вернувшись в Россию спецбортом, где находилось еще 20 спасенных из ИГ женщин и детей, Абакарова, как и другие женщины, прямо в аэропорту Грозного подписала явку с повинной.
В уголовной статье 208 есть примечание: «Лицо, впервые совершившее преступление, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобо-

ждается от уголовной ответственности». Однако, как отмечают правозащитники, дагестанские «сирийки», в отличие от чеченских, подвергаются уголовному преследованию.
Так, 26-летняя Наида Шайх-Ахмедова 16 января была приговорена Хасавюртовским судом Дагестана в 4 годам и 4 месяцам колонии с отсрочкой наказания до 2030 года – до достижения ее ребенком возраста 14 лет.
Дагестанка Виктория Будайханова была задержана и этапирована в Москву. Ранее против нее было заочно возбуждено дело по статье 205.5 УК РФ (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации).
Муслимат Курбанова, задержанная вместе с Абакаровой за участие в ИГ, в настоящее время тоже находится под следствием. Срок содержания под стражей продлен до 24 марта.
По данным правозащитников, в зоне сирийского конфликта находятся тысячи российских граждан.

ИГ взяло на себя ответственность за убийство прихожан церкви в Кизляре

18 февраля в дагестанском городе Кизляр житель Тарумовского района Халил Халилов открыл стрельбу из охотничьего ружья по прихожанам церкви. В результате погибли пять женщин. Еще четыре человека, в том числе два сотрудника патрульно-постовой службы и боец Росгвардии, которые попытались его задержать, получили ранения. Нападавший был убит ответным огнем сотрудников полиции.
22-летний Халил Халилов, уроженец горного селения Кидеро Цунтинского района, в последнее время проживал в селе Рассвет Тарумовского района. По словам очевидцев, в день трагедии он с криком «Аллаху акбар!» пытался проникнуть в храм, где как раз закончилось богослужение. Находящиеся в церкви закрыли дверь, и тогда он стал стрелять по тем, кто оказался рядом.
Как сообщает агентство Reuters, ответственность за убийство прихожан церкви в Кизляре взяло на себя Исламское государство.*) При этом террористическая группировка, запрещенная в России, не представила доказательств своей причастности к нападению. Источник в МВД России заявил, что стрельбу устроил член так называемой спящей ячейки ИГ.
Следственные органы республики возбудили уголовное дело по статьям «убийство» (ст. 105 УК РФ) и «посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов» (ст. 317 УК РФ), но также не исключают версию о теракте.
На следующий день, 19 февраля, в Кизляре по подозрению в причастности к подготовке нападения на храм были задержаны местные жители Магомедрасул Гаджиев и Магомед Сагитов. Пока обоим инкриминируют незаконное хранение оружия и наркотиков. По словам адвоката, представляющего интересы Гаджиева, следствие пытается заставить

задержанных оговорить себя, хотя с Халиловым их связывает только месяц совместной учебы в медресе.
Муфтият республики в своем обращении заявил, что мирные люди погибли от рук ваххабита, выразил соболезнования их родным и решительно осудил любые проявления насилия.
Сенатор Игорь Морозов высказал предположение, что целью исламистов, организовавших стрельбу в Кизляре, была дестабилизация ситуации перед выборами президента России.

Amnesty International обеспокоена ситуацией с правами человека на Северном Кавказе

22 февраля международная правозащитная организация Amnesty International опубликовала доклад «Права человека в мире» за 2017 год. Исследование отражает ситуацию в 159 странах, в том числе в России, Армении, Азербайджане и Грузии.
Северный Кавказ. Особую тревогу авторов доклада вызвала ситуация на Северном Кавказе, где продолжают фиксироваться серьёзные нарушения прав человека: насильственные исчезновения, незаконные задержания, пытки, жестокое обращение с задержанными и внесудебные расправы. Так, по данным «Новой газеты», в Чечне были похищены более 100 мужчин, которых сочли геями. «Их пытали и подвергали жестокому обращению в тайных тюрьмах, несколько из них были убиты. По словам тех, кому удалось бежать, это была кампания насилия, скоординированная властями. Как утверждают очевидцы, нескольких пленников убили и ещё нескольких передали родственникам, чтобы те, согласно местным «традициям», убили их «во имя чести»», – говорится в докладе.
Несмотря на попытки Уполномоченного по правам человека проверить эти факты, следственные органы отказали в возбуждении уголовного дела.
В январе спикер чеченского парламента Магомед Даудов опубликовал в инстаграме угрозы в адрес главного редактора независимого информационного сайта «Кавказский узел» Григория Шведова. Угрозы поступали и журналистам «Новой газеты», сообщившим о тайных казнях в Чечне, и их коллегам с радиостанции «Эхо Москвы».

Азербайджан. По данным Amnesty International, в 2017 году власти Азербайджана усилили наступление на свободу выражения мнений, особенно после разоблачения крупномасштабной коррупции среди политической элиты, блокировали доступ к независимым информационным изданиям, арестовывали их владельцев. Так, преследованиям подверглись руководитель телевизи-

онного «Канала 13» Азиз Оруджев и директор информационного агентства «Туран» Мехман Алиев.
Против критиков руководства страны возбуждали политически мотивированные дела и сажали их по итогам несправедливых процессов. Подозрительные смерти под стражей не были эффективно расследованы.

Армения. В докладе Amnesty International отмечается, что почти никто не был привлечён к ответственности за ненужное превышение силы полицией во время протестов в Ереване в июле 2016 года, когда были ранены и произвольно задержаны сотни человек. В ходе судов над оппозиционерами, обвиняемыми в насильственных преступлениях, нарушалось право на справедливое судебное разбирательство. Продолжается уголовное преследование правозащитницы, руководителя общественной организации «Велес» Марины Погосян, известной своими разоблачениями коррупции. Парламентские выборы и выборы в городской совет Еревана сопровождались случаями насилия.

Грузия. Главными проблемами в области прав человека в Грузии эксперты Amnesty International считают безнаказанность сотрудников правоохранительных органов и укрепление фактических границ Абхазии и Южной Осетии, что мешает местным жителям реализовывать свои экономические и социальные права. Авторы доклада также выражают тревогу по поводу ущемления независимости судов и свободы прессы.
Показателен случай с азербайджанским журналистом Афганом Мухтарли, который эмигрировал в Грузию. 29 мая он исчез в Тбилиси, а на следующий день оказался под стражей в Азербайджане, где ему предъявлены ложные обвинения в незаконном пересечении границы и контрабанде валюты. По его словам, его похитили и переправили через границу люди, говорившие по-грузински, и на некоторых из них была форма грузинской уголовной полиции. Власти Грузии отрицают причастность силовых ведомств к похищению, проверка утверждений Афгана Мухтарли результатов не дала.
В опасности остается турецкий гражданин Мустафа Чабук, приехавший в Грузию в 2002 году. Турция требует экстрадировать его на родину, где ему грозят пытки за «пособничество терроризму» и другие виды жестокого обращения. Его прошение о предоставлении в Грузии статуса беженца было отклонено.

В деле Сулеймана Керимова появился новый обвиняемый

24 февраля французская Le Figaro сообщила новые подробности о ходе расследования дела сенатора от Дагестана Сулеймана Керимова, обвиняемого правоохранительными органами Франции в отмывании денег и уклонении от уплаты налогов при покупке недвижимости в Ницце.
В частности, газета сообщила о новом фигуранте дела – им стал нотариус из Ниццы Александр Гречишкин-Курганский, специализирующийся на оформлении элитной недвижимости. Нотариусу предъявили обвинения в соучастии в налоговом мошенничестве и отпустили под подписку о невыезде под залог 100 тысяч евро.
По делу об отмывании денег путем уклонения от налогов проходят также швейцарский бизнесмен Александр Штудхальтер, которого французская прокуратура называет «подставным лицом» – именно он по документам являлся владельцем шикарных домов, принадлежащих Керимову, – и еще один щвейцарец Филипп Боргетти. Оба были задержаны в январе. 3 марта стало известно, что Штудхальтер вышел из-под стражи под залог в €5 млн.
Как ранее сообщал «ДОШ», Сулейман Керимов был задержан во Франции 20 ноября прошлого года. По версии следствия, российский сенатор-бизнесмен в течение нескольких лет приобрел на Лазурном Берегу пять вилл на сумму более €400 млн, не заплатив налоги во французский бюджет в полном объеме.
Прокурор Ниццы заявлял также о незаконном ввозе в страну от 500 до 750 млн евро в чемоданах.
Суд отпустили Керимова под залог в 40 млн евро, запретив выезжать за пределы департамента Приморские Альпы. Тем не менее он дважды – в конце января и в начале февраля 2018 года – получил разрешение ненадолго съездить в Россию, чтобы навестить больного родственника. Во время первой поездки он встретился со спикером Совета Федерации Валентиной Матвиенко. В сообщении пресс-служба СФ по этому поводу отмечается, что «Керимов считает себя невиновным и уверен в том, что сумеет доказать несостоятельность предъявляемых ему обвинений. Поэтому не намерен скрываться, настроен на сотрудничество со следствием и надеется в скором времени вернуться на родину».
Наблюдатели предполагают, что Керимов приезжал в Россию по делам, связанным с покупкой банка «Возрожде-

ние» и, возможно, с его интересами в Дагестане, где в эти дни как раз происходила смена правительства и громкие аресты представителей влиятельных кланов.

Аида Гаджиева

ПРАВИТЕЛЬСТВО – ПОД ОТКОС

Аресты высокопоставленных чиновников в Дагестане: борьба с коррупцией или очередная кампанейщина?

Врио главы Дагестана Владимир Васильев: «… Мы должны создать тут такое же правовое пространство, как во всей остальной России».

21 января в Дагестане по подозрению в превышении полномочий был арестован мэр Махачкалы Муса Мусаев. Ему инкриминировали незаконную передачу земельного участка стоимостью 81 миллион рублей, находящегося в республиканской собственности, ОАО «Акционерный строительно-промышленный комплекс». По версии следствия, мэр получил за эту сделку 1,1 млн рублей. Этот арест положил начало целому ряду громких задержаний и уголовных дел в отношении высокопоставленных правительственных чиновников Дагестана.

Правительство пало

Вечером 5 февраля временно исполняющий обязанности главы республики Владимир Васильев отправил правительство региона в отставку, и в ту же ночь после обысков были задержаны врио премьера Абдусамад Гамидов, его заместители Шамиль Исаев и Раюдин Юсуфов, экс-министр образования и науки республики Шахабас Шахов. Все они стали фигурантами уголовного дела о хищении 95,8 млн рублей, выделенных из бюджета республики для реализации социальных программ.

Следственные действия проводились демонстративно жестко, силовики обнародовали видео, где задержанных в наручниках с мешками на головах ведут на самолет, чтобы отправить в Москву.

2 марта ФСБ задержала главу Дербентского района Магомеда Джелилова, подозреваемого в махинациях с земельными участками (помещен под домашний арест), и замначальника республиканской таможни Араза Галимова – он стал фигурантом дела о контрабанде, вымогательстве и наркотрафике через азербайджанскую границу.

«Не кампанейщина»

Судя по всему, на этом аресты не закончатся – силовики проводят следственные действия в администрациях еще нескольких городов и районов Дагестана. Васильев заявил, что, по его мнению, расширение расследования возможно «и по времени, и по эпизодам, и по участникам».

В Махачкале продолжает работать группа Генпрокуратуры (в республике ее называют «38 прокуроров»). За каждым членом группы закреплено свое направление и ведомство, – передает РБК со ссылкой на источник в центральном аппарате МВД.

Тот же источник утверждает, что материал в отношении высокопоставленных дагестанских коррупционеров начали собирать еще два года назад, однако в открытую фазу зачистка кланов в Дагестане вступила лишь с назначением на должность врио главы республики Владимира Васильева. «Просто время пришло, - объяснил сам Васильев в телевизионном интервью. - Мои предшественники решали очень важные задачи. Терроризм, радикализм были остановлены. И это создало условия для борьбы с коррупцией… Это не кампанейщина. Мое мнение – это системная работа».

По словам врио главы Дагестана, масштабы теневой экономики в республике достигают 40-60%. По некоторым направлениям, таким, как муниципальный транспорт и градостроительная политика, регион отстает от других российских субъектов лет на пятнадцать. «Пора выходить на уровень России. Мы должны создать тут такое же правовое пространство, как во всей остальной России», - подчеркнул он.

Хорошо смазанный механизм

Масштабы коррупции в Дагестане действительно зашкаливают, и это хорошо известно даже за пределами республики. Без взятки невозможно устроиться не только на руководящую должность, но даже обычным учителем в школу или медсестрой в поликлинику. Разумеется, каждый устроившийся начинает возмещать свои расходы за счет остального населения. В итоге ни одну услугу невозможно получить бесплатно. Устроить ребенка в садик, лечь в больницу, получить инвалидность – все стоит денег.

Бывший и. о. премьер-министра Дагестана Абдусамад Гамидов.

В этой ситуации любые социальные программы или коммерческие проекты облагаются огромным «коррупционным» налогом, иногда превышающим стоимость собственно проекта – и тогда деньги, выделенные, допустим, на строительство новой сельской школы, разворовываются не частично, а полностью, и дети продолжают учиться в аварийном здании.

Каждый клан, независимо от его влиятельности, дорвавшись до власти какого бы то ни было уровня, стремится протащить своих людей в полицию, прокуратуру, суд. Поэтому добиться решения какой-либо проблемы законным путем невозможно – правоохранительные органы и суды тоже завязаны в этой системе, правда, обороты здесь в разы больше, а цена «услуг» - на порядок выше.

Диагноз: социальный склероз

Любые попытки борьбы с коррупцией приводили лишь к тому, что один господствующий клан сменялся другим, который продолжал действовать так же: работать на свое обогащение.

«Американский экономист Мансур Олсон придумал такое понятие, как социальный склероз. Речь о стоящих у власти группах, чей доход, рента не уменьшаются, а иногда даже увеличиваются при ухудшении экономического состояния всей страны. Это может быть партия, профсоюз, военная хунта, а на местном уровне это могут быть кланы. В Дагестане кланы были вот таким социальным склерозом на протяжении 20 лет. Они создали систему, при которой получали свои доходы независимо от благосостояния республики. Поэтому у Москвы возникли с ними проблемы», - сказал дагестанский юрист и политолог Расул Кадиев корреспонденту «Дош».

По его мнению, причина, по которой Москва начала очередную антикоррупционную кампанию и ввела «внешнее управление» в лице «варягов» Васильева, премьера Антона Здунова и прокурора Дениса Попова, – прежде всего экономическая.

«Деньги бюджетные циркулируют, при этом неизбежны какие-то потери, но в Дагестане уровень этих потерь был высокий, а политическая прибыль при этом – низкая. Регион оставался очень проблемным. Эти транзакционные издержки стали особенно неприемлемы, когда в стране наступил кризис. Так что это борьба не с кланом Магомедовых или кого-то еще, это борьба за снижение издержек государства в условиях маленького бюджета», – считает Кадиев.

Кадры и налоги

Увенчается ли попытка Москвы навести порядок в Дагестане - пока неясно, многое зависит от кадровой политики нового руководителя республики, – полагает главред газеты «Молодежь Дагестана» Рамазан Раджабов. «Первые назначения Васильева пока обнадеживают. В правительстве назначены люди, которые не имели связей с какими-либо

Бывший вице-премьер правительства Дагестана Шамиль Исаев

финансово-политическими группировками в республике. Премьер Антон Здунов совсем новый человек в республике. Для коррупции на таком уровне у высшего руководства должны быть налаженные связи, свои люди на ключевых местах. Их нет (по крайней мере, пока). Первых вице-премьеров, Рамазана Алиева и Анатолия Карибова, вряд ли можно назвать людьми, имеющими отношение к каким-либо кланам и коррупционным схемам. То же самое можно сказать и о вице-премьерах Екатерине Толстиковой и Уммупазиль Омаровой. Министр экономики Осман Хасбулатов тоже новый человек и, на мой взгляд, компетентный в своей сфере. Прокурор из другого региона, председатель Верховного суда также будет не связан с Дагестаном, а республиканское Следственное управление СКР вообще под угрозой сокращения», – рассказал Раджабов корреспонденту «Дош».

По его мнению, в настоящее время в республике ломаются все кланово-корпоративные отношения, разрываются связи. «Это видно и по тому, как легко возбуждаются уголовные дела в отношении чиновников и даже силовиков самого разного уровня: главы муниципального образования, замначальника таможни, сотрудника ЦПЭ МВД. Думаю, это дает результат. По крайней мере, краткосрочный. Но в правительстве еще очень много не занятых мест, люди на них работают пока в ранге врио. Очевидно, что Васильев сталкивается с проблемой нехватки компетентных, а главное, незапятнанных специалистов. Он осторожно назначает людей. Долго и щепетильно подбирает кадры. Параллельно он старается повысить доходы республиканского бюджета путем увеличения сбора налогов. Встречался с работниками рынков, владельцами АЗС, банкетных залов, застройщиками. Это очень сложный вопрос. Всем им просто выгодно работать в серой зоне. Выход из тени делает бизнес многих из них нерентабельным. Васильеву удается расшатать систему взяток на высшем республиканском уровне путем выведения из игры отдельных фигур. А чтобы побороть коррупцию уровнем ниже, нужны огромные усилия, нужно время. Я сомневаюсь, что там быстро удастся побороть коррупцию», - отметил Рамазан Раджабов.

Дмитрий Михайлов
Абдулла Дудуев

КАК ЗАЩИТИТЬ ПРАВОЗАЩИТНИКА

Главу «Мемориала» в Чечне Оюба Титиева обвиняют в хранении наркотиков

На Марше памяти Бориса Немцова в Москве, 25 февраля 2018 г. Фото Дмитрия Борко.

Оюб Титиев - глава грозненского представительства Правозащитного центра «Мемориал». Он начинал работу рядовым сотрудником и возглавил чеченское представительство Правозащитного центра вскоре после гибели Натальи Эстемировой, убитой 15 июля 2009 года. Тогда многие сотрудники «Мемориала» покинули республику, опасаясь прессинга со стороны властей, но Оюб остался. 9 января, в первый рабочий день 2018 года, он был задержан сотрудниками чеченской полиции.

ЗАДЕРЖАНИЕ

Титиева задержали при странных обстоятельствах. Правозащитник выехал поутру на работу из села Курчалой в Грозный, но к обеду так и не приехал в офис. По свидетельству очевидцев, на трассе недалеко от Курчалоя Титиева перехватила группа полицейских, которые заставили правозащитника выйти из автомобиля, скрутили и запихнули в свою машину. На переднем сидении его автомобиля после повторного обыска был обнаружен пакет с марихуаной, в связи с чем вечером того же дня в отношении Титиева было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 228 УК РФ «Незаконное приобретение и хранение наркотических средств в крупном размере» (максимальная санкция – десять лет лишения свободы).
Рассказ самого правозащитника совпадает с показаниями свидетелей. По его словам, 9 января около 9:00 он на своем личном автомобиле направился на работу в чеченскую столицу. Возле одного из мостов его остановили сотрудники полиции «в форме группы быстрого реагирования (ГБР)». Предъявив правоохранителям документы на машину, Титиев совместно с одним из полицейских приступил к осмотру авто, начав с багажника. В это время к передней пассажирской двери подошел другой полицейский, открыл ее и «начал там что-то делать».
«Что он делал, я не видел. Я был позади машины, стоял к нему спиной. Он окликнул нас: «Подойдите сюда!» Мы подошли. Он показал: «Что у тебя под сиденьем?» Я говорю: «Понятия не имею». Он сам достал оттуда черный полиэтиленовый пакет... Я дотронулся до пакета, посмотрел — там какая-то зеленая масса. Он спросил: «Что это?». Я снова говорю: «Понятия не имею, тебе лучше знать!» – рассказывал уже в Шалинском городском суде Титиев.
Правозащитник вместе с якобы изъятым у него пакетом был доставлен в Курчалоевское РОВД. Один из сотрудников полиции, представившийся начальником уголовного розыска, спросил, откуда у главы чеченского «Мемориала» наркотики. Титиев ответил, что пакет ему не принадлежит. Признать пакет своей собственностью правозащитник отказался и после угроз со стороны других сотрудников.
Европейские и российские правозащитные организации связывают арест с давлением на «Мемориал».

ПЕРВЫЙ СУД

Утром 11 января правоохранители выгнали из дома родственников обвиняемого, искали его брата и сына. В тот же день в Шалинском городском суде состоялось заседание по избранию меры пресечения Титиеву. Он своей вины не признал и настаивал, что пакет с марихуаной подбросили в его машину. Судья, удовлетворив ходатайство следователя, вынес постановление о заключении Оюба Титиева под стражу на два месяца, до 9 марта включительно.
«В ходе следствия из органа дознания ОМВД России по Курчалоевскому району получены оперативные сведения, согласно которым Титиев О.С. намерен скрыться от правоохранительных органов и тем самым воспрепятствовать установлению истины по делу.
В ходатайстве и в судебном заседании следователь указывает на то, что избрание иной, более мягкой меры пресечения является нецелесообразным. Такой вывод обусловлен тем, что Титиев О.С. обвиняется в совершении тяжкого преступления. Находясь на свободе, он может скрыться от органов предварительного следствия и суда, оказать давление на свидетелей, иным образом воспрепятствовать установлению истины по делу. В судебном заседании прокурор полагал возможным ходатайство следователя удовлетворить. Обвиняемый Титиев О.С. и его защитники Тельхигов С.У., Заикин П.И. просили отказать в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрать в отношении него меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Оценив приведенные в обоснование ходатайства доводы, заслушав мнения сторон, исследовав представленные материалы и данные о личности обвиняемого, суд находит ходатайство следователя обоснованным и подлежащим удовлетворению», – указал в своем постановлении и.о. судьи Шалинского городского суда Чеченской республики Ибрагимов.
11 января Титиев, находясь под стражей, собственноручно написал, а 12 января адвокат Петр Заикин подал в СУ СК РФ по ЧР заявление с требованием привлечь к ответственности сотрудников полиции, подбросивших Оюбу наркотики.
12 января Заикин обжаловал постановление Шалинского городского суда об аресте Титиева. В жалобе он отметил, что выводы суда, изложенные в постановлении, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, и судом не учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на решение вопроса о мере пресечения. В частности: «отсутствуют доказательства намерений скрываться от органов предварительного следствия и суда, особенно с учетом наличия у него прочных социальных связей по месту жительства (семья и постоянное место работы); все свидетели по делу являются действующими сотрудниками органов внутренних дел, имеющими возможность пресекать любые попытки противоправного воздействия на них со стороны кого-либо. Отсутствуют предпосылки для занятий Титиева О.С. противоправной деятельностью в силу наличия у него стабильного дохода на постоянном месте работы. У Титиева О.С. нет также возможности каким-либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу и его объективному разрешению, так как следователем уже выполнен значительный объем работы по этому делу: «предмет преступления» изъят и приобщен к материалам дела, обыск по месту его жительства проведен, образцы для проведения экспертных исследований получены и необходимые экспертизы назначены. При таких обстоятельствах предполагаемая судом угроза создания Титиевым О.С. препятствий к производству по делу не является реальной».

Сам Титиев написал заявление на имя президента России Путина, главы Следственного комитета РФ Бастрыкина и директора ФСБ Бортникова. В заявлении Титиев указал, что именно сотрудники Курчалоевского РОВД подбросили в его машину наркотики, в результате чего против него было сфабриковано уголовное дело. «Хочу довести до Вашего сведения: если я каким-нибудь образом признаю себя виновным в инкриминируемом мне деянии, это будет означать, что меня заставили путем физического воздействия или шантажом», — подчеркнул правозащитник.
Заикин подал ходатайство следователю Саламову о выемке видеозаписей с камер наружного наблюдения в Курчалоевском РОВД. 14 января ПЦ «Мемориал» обратился к автовладельцам Чечни. Коллеги Титиева просили предоставить записи с видеорегистраторов на тех машинах, которые утром 9 января проезжали по дороге Курчалой-Майртуп.

УГРОЗЫ АДВОКАТУ

Заикин вступил в защиту Титиева на следующий день после задержания правозащитника. Коллеги Титиева, нанявшие Заикина, предвидели, что на чеченского адвоката Султана Тельхигова, взявшегося за дело руководителя грозненского «Мемориала», рано или поздно будет оказано давление со стороны местных силовиков.
С 10 по 23 января следователь Саламов провел с Оюбом Титиевым всего пару следственных действий. Тогда же впервые за многие годы работы в Чечне за Заикиным было установлено наружное наблюдение.
18 января следователь Саламов, проинформированный о том, что Петр Заикин вылетает в этот день в Москву, назначил следственные действия на 19 января. Как только Заикин покинул Чечню, началось давление на Тельхигова. Адвокат был вынужден уехать из республики. Где он находится в данный момент, неизвестно. По информации, полученной от чеченских адвокатов, всем членам адвокатской палаты Чечни пришел запрос, в ультимативной форме обязывающий уведомить руководство палаты о местонахождении и телефонах Султана Тельхигова.

РЕАКЦИЯ КАДЫРОВА. ОБЫСК В ГРОЗНЕНСКОМ «МЕМОРИАЛЕ»

18 января Кадыров назвал Титиева «наркоманом». Об этом глава Чечни заявил во время совещания на чеченском языке, показанного в эфире ЧГТРК «Грозный». «Говорят, поймали наркомана с анашой полицейские… ООН, даже Госдеп из Америки вышли из-за того, что одного человека из Курчалоевского района задержали», – заявил Кадыров. По его словам, «наркоманов в Чечне ловили тысячами, никто за них не заступался».
«Стоило поймать их наркомана, и весь мир встал. Почему они их права не защищали? Такие же наркоманы… Неужели он не может употреблять? Мы ловим людей, которым 60, 70 за то, что употребляют наркотики. Его нельзя нам задерживать? Конечно, можно», – сказал глава Чечни.
Кадыров также заявил, что у правозащитников «нет рода, нации нет, религии нет».
19 января в рамках уголовного дела Титиева полиция обыскала офис «Мемориала» в Грозном. На балконе были обнаружены и изъяты две неприкуренные сигареты, по виду освобожденные от табака и вновь заполненные чем-то, а также пепельница, сделанная из банки из под энергетического напитка. Такой пепельницы, по словам правозащитников, на балконе никогда не было, сотрудники офиса не курят, курить на балкон выходили только журналисты, посещавшие офис в предыдущие дни.

СЕМЬЯ ТИТИЕВА ПОКИНУЛА ЧЕЧНЮ

Семья руководителя чеченского отделения “Мемориала”, арестованного по обвинению в хранении наркотиков, уехала из Чечни. Такое решение родственники Титиева приняли из соображений безопасности: по словам адвоката Заикина, семье поступают угрозы. Он предположил, что таким способом силовики надеются добиться от Титиева признательных показаний. Куда именно уехали родные правозащитника, Заикин не уточнил: он не уполномочен говорить, находятся ли они в России или покинули страну. До этого члены семьи Титиева и он сам сообщали, что правоохранительные органы угрожали и против них возбудить дело по статье о терроризме или хранении наркотиков.

ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

17 января в 03:35 ночи к зданию, где находится филиал «Мемориала» в Назрани, подъехала автомашина. Из нее вышли двое в масках, в руках у одного из них была канистра. Злоумышленники приставили к стене здания лестницу и поднялись по ней на второй этаж, где и располагается «Мемориал». Они пытались сломать видеокамеру, фиксирующую происходящее, но это им не удалось.
Бандиты разбили окно, залезли в помещение, разбрызгали горючую жидкость из канистры и подожгли. После чего спустились по той же лестнице.
В результате три комнаты из шести, находящихся в ведении “Мемориала”, были сожжены. Как предполагают правозащитники, поджигатели не успели или не смогли высадить крепкие запертые двери уцелевших кабинетов. Сгорела часть документов, пострадала оргтехника. Пожарные приехали оперативно и остановили распространение огня.
«Нам очевидна связь этого поджога с теми силами, которые пытаются уничтожить работу ПЦ «Мемориал» в Чечне и выдавить «Мемориал» в целом из всего региона Северного Кавказа. «Мемориал» расценивает этот поджог как совершение террористического акта на территории Ингушетии», – подчеркивают сотрудники правозащитной организации.
Но следственный отдел МВД Ингушетии возбудил уголовное дело всего лишь об умышленном уничтожении или повреждении имущества по факту возгорания в здании ингушского филиала правозащитного центра «Мемориал», исключив теракт.
22 января в Махачкале был подожжен автомобиль «Волга» 31105, принадлежащий представительству Правозащитного центра «Мемориал» в Дагестане. Водитель при помощи соседей начал гасить пламя, тут подъехали пожарные, поэтому огонь охватил только переднюю часть автомобиля: сгорели колесо и резиновые уплотнения, обгорела краска на капоте. Рядом с машиной валялась емкость с остатками бензина.
«Абсолютно очевидно, что это очередной акт устрашения. Трудно объяснить иначе такую последовательность событий как подброс наркотиков Оюбу Титиеву, подброс подозрительных предметов в грозненский офис «Мемориала», поджог офиса в Назрани, а теперь попытку сжечь машину в Махачкале. Это бесспорно звенья одной цепи. В отношении «Мемориала» продолжается запугивание, устрашение, то есть – террор. Машину поджигала, вполне возможно, какая-то местная шпана. Но любому непредвзятому человеку очевидно, что организаторов преступления, нанимателей этих подонков стоит искать в Чеченской республике», - прокомментировал произошедшее член Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов. Он отметил, что 20 января именно на этой, впоследствии пострадавшей от огня машине в Чечню из Махачкалы ездил дагестанский адвокат, который должен был принять участие в следственных действиях по делу Оюба Титиева. Следственное управление УМВД РФ по Махачкале возбудило уголовное дело об умышленном уничтожении или повреждении имущества (ч.2 ст. 167 УК РФ) в связи с поджогом автомобиля.
23 января около 13:40 на мобильный телефон представительства ПЦ «Мемориал» в Махачкале пришло СМС-сообщение: «Вы по краю пропасти ходите. Закройтесь! В следующий раз вместе с вами офис подожгем ваш. Машина сигнал» (орфография сохранена). Через несколько минут с того же номера поступил телефонный звонок. Звонивший выкрикнул: «СМС читай! В следующий раз ... в следующий раз…», после чего связь оборвалась.

ВТОРОЙ СУД

На 11 часов 25 января в Верховном суде Чечни было назначено рассмотрение апелляции по избранию меры пресечения для Титиева. Однако заседание было сорвано. Правозащитника не доставили в здание суда.
Где он находился в тот момент, никому не было известно. Говорили, что он якобы на следственных действиях в Курчалоевском РОВД. Судья Верховного суда Чечни не стал откладывать заседание на другой день, а распорядился доставить Оюба Титиева, где бы он ни был, в суд к 17 часам. Также он вызвал на заседание следователя Саламова. Адвокат Заикин срочно выехал на поиски Оюба. Узнать что-либо о его местонахождении от Саламова не удалось.
Прибывшие из Москвы на апелляцию правозащитники и журналисты забили тревогу и опубликовали информацию об исчезновении Титиева, за судьбу которого с момента перевода его в СИЗО Грозного отвечает ФСИН Чечни. В итоге Оюб был доставлен в здание Верховного суда Чечни без видимых следов насилия. Также стало известно, что назначенные Саламовым следственные действия с участием Титиева не состоялись. Для чего в таком случае правозащитника вывозили в РОВД Курчалоевского района, так и осталось неизвестным. Следователь Саламов отказался прояснить эту ситуацию. Верховный суд ЧР оставил жалобы защитников Титиева без удовлетворения, согласившись с выводами суда первой инстанции.

ОПОЗНАНИЕ

26 января должно было проходить опознание Титиева свидетелем, который, судя по всему, дал показания, как правозащитник якобы приобрел 200 граммов марихуаны.
В кабинет следователя завели Титиева и двух статистов. Проводил опознание следователь Агабеков. Он предложил всем троим надеть одинаковые черные футболки и повернуться лицом к стене. Заикин обратил внимание следователя на обувь Титиева - в отличие от двух статистов, Титиев, находящийся под арестом в СИЗО, был обут не в ботинки, а в резиновые тапочки-сланцы. Агабеков достал ботинки и отдал их правозащитнику. Когда свидетеля Амади Басханова ввели в кабинет, он начал смотреть на ноги людей, среди которых он должен был опознать Оюба Титиева.
«На вопрос, видел ли он ранее кого-либо из предъявляемых для опознания лиц и если видел, то когда, где, при каких обстоятельствах, Амади Рамзанович Басханов заявил, что никого не может опознать», – зафиксировано в протоколе очной ставки.
«У свидетеля, на мой взгляд, были все признаки наркотиче-

ского опьянения. Зрачки были огромными, размером с радужную оболочку. Он очень медленно передвигался. Стоял, покачиваясь, никак не реагировал на следователя. Следователь неоднократно задавал ему вопросы, однако никаких ответов от свидетеля не добился. Оюба он не знал, это было совершенно очевидно. Пытался сфокусировать взгляд на ногах опознаваемых, как будто искал зацепку. Одет свидетель был в дорогущую, явно с чужого плеча, кожаную куртку и при этом в рваные штаны и раздолбанную обувь без шнурков. Волосы у него были грязны до такой степени, что скатались и висели, как сосульки. От свидетеля воняло так, как будто он несколько недель не мылся. Было очевидно, что его приводит в чувство только появление курчалоевских оперов. При виде их он вздрагивал и пытался забиться в угол. Когда закончились следственные действия и за свидетелем пришли опера, он сначала вжался в стену, а когда они на него цыкнули «Пшел сюда!», повернулся и привычным жестом заложил руки за спину, как будто долгое время провел в камере», – рассказывал адвокат Заикин.
После неудачного опознания следственная группа во главе со следователем Саламовым была расформирована, создана новая группа, которую возглавил подполковник, начальник СО ОМВД Курчалоевского района Ханохок. Вскоре была снова проведена очная ставка Титиева с тем самым свидетелем Басхановым, который ранее не смог его опознать. Теперь он якобы опознал правозащитника.

СОБЧАК В ГРОЗНОМ

28 января в Грозный приехала кандидат в президенты РФ Ксения Собчак. Она прибыла в чеченскую столицу из соседней Ингушетии, где накануне встречалась с представителями ингушской общественности.
Свое короткое пребывание в Грозном Собчак начала с

Кандидат в президенты РФ Ксения Собчак

возложения цветов к мемориалу погибшим журналистам перед Домом печати и там же провела одиночный пикет в поддержку главы «Мемориала» в Чечне: она держала в руках плакат «Свободу Оюбу Титиеву».
Ксения Собчак призвала главу Чечни Рамзана Кадырова освободить Титиева, назвав обвинения против правозащитника сфабрикованными.
Далее Собчак в сопровождении журналистов направилась на прогулку по одному из центральных проспектов Грозного, именуемому проспектом Путина. Субботним утром проспект, который всегда закрывается на выходные для автотранспорта, был почти безлюдным. Однако неожиданно кандидата в президенты догнали несколько молодых людей, которые, как выяснилось позже, были так или иначе связаны с министерством по делам молодежи Чечни, расположенным в нескольких метрах от места, где Собчак провела одиночный пикет. Молодчики вели себя агрессивно и высказывали оскорбительные замечания в ее адрес. Собчак не поддавалась на провокации, отвечала крайне корректно, заметив, что наслышана о чеченских традициях гостеприимства, которые не позволяют столь неподобающим образом вести себя с гостьей.
Заметив полицейского, несшего службу на проспекте, Собчак обратилась к нему с жалобой на то, что, приехав в город прогуляться и пообщаться с людьми, подвергается приставаниям незнакомцев, выкрикивающих оскорбления в ее адрес. Однако страж порядка при виде обидчиков гостьи ретировался так поспешно, будто это он был хулиганом, застигнутым ими на месте преступления.
Визит Собчак в Грозный вызвал неоднозначную реакцию в среде российских оппозиционеров. Некоторые из них называли это пиаром. Однако безобразная выходка провластных молодчиков вызвала безоговорочное осуждение со стороны огромного числа чеченцев, включая тех, что проживают за пределами республики и узнали о приезде Собчак только постфактум. Разразилась настоящая буря возмущения со стороны людей с самыми различными политическими взглядами и разным отношением к личности оскорбленной гостьи. Они оставляли многочисленные комментарии под аккаунтами Ксении Собчак в социальных сетях, извиняясь перед ней за недостойное поведение соотечественников, писали, что им стыдно за этих юношей, больно за попранные ими традиции, что предписывают принимать с почестями даже кровника, если он оказался твоим гостем.
Сама Собчак по возвращении в Москву написала у себя в Инстаграм: «…Я точно знаю, что чеченский народ другой. Я знаю, насколько важны для чеченца законы гостеприимства, я помню, как на Кавказе всегда принимали гостей. Я точно знаю, что никакой вайнах ни за что на свете не станет так обращаться с женщиной, как позволили себе эти юноши».
Собчак отметила: «Передо мной извинились сотни чеченцев; мне кажется, будто я поговорила с каждым. Не извинился только Рамзан Ахматович Кадыров. Но я от него этого и не требую: ведь я – не он»,– заключила она.
Позже глава Чечни Кадыров, выступая по местному ТВ, заявил, что не считает мужчинами всех, кто извинялся перед Ксенией Собчак.

ТИТИЕВ ПРИЗНАН ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ

Только 30 января, спустя три недели после задержания, к Титиеву, наконец, допустили стоматолога. У Оюба были сточены два зуба и удалены еще восемь – в день задержания, 9 января, он планировал пойти ко врачу ставить протезы. Без протезов он не мог есть твердую и горячую пищу.
31 января «Мемориал» объявил кампанию солидарности с Оюбом Титиевым. Правозащитники призвали писать письма поддержки Оюбу на адрес СИЗО-1 Грозного, где он содержится. А также обратиться к Президенту РФ с просьбой освободить Титиева.
1 февраля Правозащитный Совет России и десятки общественных деятелей, политиков, деятелей искусства обратились к генпрокурору Юрию Чайке, министру внутренних дел Владимиру Колокольцеву и председателю СК РФ Александру Бастрыкину с просьбой перевести расследование дела Титиева на более высокий уровень – федеральный или по крайней мере в СКФО.
Уполномоченный по правам человека РФ Татьяна Москалькова призвала передать расследование дела Титиева на федеральный уровень. Аналогичное мнение высказал председатель президентского Совета по правам человека Михаил Федотов.
6 февраля адвокат Заикин подал в Шалинский городской суд жалобу на бездействие следователей, которые не дали ответа на ходатайство от 12 января о выемке видеозаписей с камер Курчалоевского РОВД.
7 февраля стало известно, что уголовное дело Титиева решением заместителя прокурора ЧР изъято из полиции и передано в следственное управление СК РФ по Чеченской республике.
8 февраля Европейский парламент принял резолюцию по делу Оюба Титиева, призвав немедленно освободить его.
13 февраля «Мемориал» признал Титиева политическим заключенным.
16 февраля следователи Гудермесского межрайонного следственного отдела СУ СК РФ по ЧР, которые проводят проверку по жалобе Оюба Титиева на незаконные действия сотрудников полиции, сообщили адвокату Петру Заикину, что они не смогли получить записи с камер видеонаблюдения, установленных на входе в здание ОМВД РФ Курчалоевского района и внутри него. По словам следователя, все эти камеры 9 января, в день задержания Оюба, не работали.

ТРЕТИЙ СУД И ВИЗИТ ЯВЛИНСКОГО

Заседание по продлению меры пресечения Оюбу Титиеву в Старопромысловском районном суде Чечни состоялось 6 марта. На него приехали журналисты и правозащитники из Москвы, вместе с ними в Грозный прилетел и кандидат в президенты России Григорий Явлинский, чтобы лично просить освободить Титиева под его поручительство. Свое поручительство прислала и другой кандидат в президенты – Ксения Собчак.
Конвой не доставил Титиева вовремя в суд, поэтому заседание началось с почти трехчасовым опозданием. Суд отказался освободить главу грозненского «Мемориала» под поручительство и продлил срок его ареста до 9 мая.
«Постановление суда об избрании меры пресечения Оюбу Титиеву является незаконным и необоснованным, потому что нет никаких доказательств того, что Оюб может скрыться или воспрепятствовать следствию. Несмотря на то, что защита подробно привела все свои доводы, суд их не учёл. Я считаю данное решение суда политической волей, и мы намерены его обжаловать», – заявила адвокат Марина Дубровина.
По её словам, у Титиева нет жалоб на условия содержания, однако при этом она отметила, что зубные протезы Титиеву были поставлены некачественные и «в этот вопрос необходимо вмешаться».
Следователь просил суд оставить Титиева под стражей на срок до 9 мая. Он, как и прежде, утверждал, что Титиев может скрыться от следствия, продолжать заниматься преступной деятельностью, оказывать давление на других участников дела. Прокурор поддержал доводы следователя

У входа в здание Старомпромысловского районного суда г. Грозного: бывший главред "Новой газеты" Дмитрий Муратов, член правления ПЦ "Мемориал" Олег Орлов, основатель партии "Яблоко" и кандидат в президенты Григорий Явлинский и глава Комитета "Гражданское содействие", член правления ПЦ "Мемориал" Светлана Ганнушкина.

и назвал их обоснованными.
Гособвинитель сказал, что заявление кандидатов в президенты, что они лично знают Оюба Титиева, не является гарантией того, что он не скроется от следствия или не будет продолжать преступную деятельность.
Григорий Явлинский в ходе судебного процесса лично обратился к суду с просьбой отпустить Титиева. Он заверил суд, что Титиев не собирается скрываться, будет являться по первому вызову следователя и никоим образом не препятствовать ходу следствия. Также Явлинский заявил, что знает Титиева не менее двенадцати лет, знает о его правозащитной деятельности, которая была направлена всегда на оказание помощи людям, столкнувшимся с нарушением прав человека, с пытками.
Заметим, что Григорий Явлинский хорошо известен в республике и наиболее уважаем из всех российских политиков. Правда, его приезд в Чечню с целью лично заявить в Старопромысловском суде Грозного о своем поручительстве за Оюба Титиева был преподнесен местным телеканалом как пиар кандидата в президенты РФ.
Правозащитники и журналисты заранее предупреждали политика о том, что если он даст интервью ЧГТРК «Грозный», его исковеркают так, что он сам себя может в нём не узнать, как это было несколькими месяцами ранее со Светланой Ганнушкиной. Однако, когда девушка с микрофоном подошла и попросила ответить на несколько вопросов, Явлинский не смог отказать. Далее необходимо привести это так называемое “интервью”:
Вопрос: Григорий Алексеевич, скажите, пожалуйста, ваш сегодняшний визит в Грозный и судебное заседание как связаны?
Ответ: Я приехал для того, чтобы участвовать в судебном заседании, поскольку я подписал поручительство за Оюба Титиева и хотел лично присутствовать и вручить свое поручительство судье.
Вопрос: Это когда вы его подписали, сейчас или..?
Ответ: Я подписал его два дня назад, а суд сегодня. Я сегодня ночью прилетел сюда, чтобы принять участие в суде.
Вопрос: А почему вы решили, как бы, подписать такое...?
Ответ: Потому что я давно знаю Оюба Титиева, он много лет приезжает в Москву, много лет сотрудничает с “Мемориалом”, он близкий друг людей, которым я абсолютно доверяю, и думаю, что ему нет никакой необходимости находиться в заключении. Он будет являться на следствие, на суд, не будет скрываться. Мне кажется, нет никакой необходимости держать его в изоляции.
Вопрос: То есть, ну, как бы, вы, получается, ставите под сомнение компетентность органов?
Ответ: Нет-нет, я, наоборот, обращаюсь к органам, чтобы заверить их, что беру на себя ответственность за то, что этот человек не будет скрываться от следствия.
Вопрос: Вы впервые здесь?
Ответ: Нет, я... не впервые здесь, но это была другая история...
Вопрос: По поводу преобразований… когда вы были в последний раз?
Ответ: Во время войны.
Вопрос: И, ну, как впечатления?
Ответ: Ну, я еще не успел... Я прилетел в 4 утра, приехал сейчас прямо в суд. Если у меня останется время, вот судья задерживается, суд был назначен на 9:30, мы все ждем судью, его еще нет, но если время останется... Сейчас идет президентская кампания в России, у меня сегодня еще эфиры на федеральных телеканалах, в которых я должен участвовать, но я терпеливо буду ждать, когда судья придёт и проведет заседание...
Ничего из того, что сказал Явлинский на камеру, не попало в эфир вечерних новостей того дня. А ведущая предварила сюжет словами: «...вынесение приговора перенесли», то есть было даже непонятно, что происходило в суде, а именно – что речь идет о заседании суда по продлению меры пресечения, тогда как приговор – финал длительного судебного процесса, который вовсе и не начинался ещё в деле Оюба.
Словом, компетентность высочайшего класса!
Ведь, как видно из вопросов девушки, она элементарно не подготовилась: не только плохо понимает, каков предмет разговора, но не потрудилась хотя бы погуглить фамилию кандидата в президенты страны, который специально прилетел на суд.
Она ничего не знает про политического деятеля и экономиста с мировым именем, который в ноябре 1994-го первым из российских политиков признал, что наемники из российских танков “чеченской оппозиции”, штурмовавших Грозный, являются российскими военными, срочно приехал тогда в Чечню через Ингушетию, предлагал себя в качестве заложника в обмен на военных, от которых отказались сразу три министра РФ, пославшие их захватывать чеченскую столицу – министр обороны, директор ФСК, министр МВД.
Не прозвучало также в эфире ни слова о том, сколько времени десяткам людей пришлось томиться в тесном холле суда, где даже стульев не было, в ожидании прибытия судьи Минцаева. Умолчали и об издевательски затянувшейся паузе, что последовала за появлением долгожданного судьи, который устроил театральную выволочку представителям обвинения – прокурору и следователю – за то, что те не могут обеспечить доставку обвиняемого вовремя, хотя чтобы добраться из любого конца Грозного в другой его конец требуется не больше получаса. Всего этого “не заметили” ни телевизионщики, ни критиковавший Явлинского Тимур Алиев – глава чеченского Совета по правам человека.
Уклонившись от обсуждения самого дела Оюба Титиева, его сути и кучи нестыковок в нем, корреспондентка и ее комментатор усмотрели пиар-акцию в приезде политика, который из чувства солидарности, сострадания, человечности прилетел поддержать правозащитника. А ведь он сделал это, несмотря на свой безумно загруженный график поездок по стране, встреч с избирателями, ежедневных телевизионных дебатов, в надежде помочь невинно преследуемому, пропустив в тот день несколько эфиров на трех телеканалах.
Во время обеих чеченских войн, последовательно выступая против них, он тоже, очевидно, пиарился? Особенно во вторую войну – в 1999-м, неужели об этом уже надо напоминать? Тогда наследник Ельцина мочил чеченцев в сортире, абсолютное большинство российского общества и все российские политики сливались с ним в античеченском кровавом экстазе. Один Явлинский вновь показал себя противником войны, за что был заклеймен, в том числе либералами, как “предатель”, выступающий против “возрождающейся в Чечне российской армии”. На тогдашних выборах в Госдуму рейтинг партии “Яблоко”, находившийся на отметке 16 % в начале предвыборной кампании, к её концу составил всего 6 %, упав на 10 пунктов только из-за принципиальной позиции Григория Явлинского по Чечне, от которой он не отступил.
Это тоже, надо полагать, было его хитромудрой пиар-акцией!
Но большинство чеченцев не забыли стойкости Явлинского, как показал его новый приезд в Чечню спустя 23 года. Жители очень тепло встречали Григория Алексеевича в Грозном. Горячо заверяли, что помнят его “поддержку в самые трагические для чеченского народа времена”, понимают, что Явлинский ее оказывал “даже во вред своей политической карьере”. Такие слова звучали из уст разных, не знакомых между собой людей, они благодарили его, пожимали руку, обнимались, фотографировались с ним, приглашали к себе домой... Такую искреннюю сердечность проявляли даже некоторые работники суда.

Между тем, ни доводы защиты Титиева, ни поручительство кандидатов в президенты не возымели действия на суд, который постановил удовлетворить ходатайство следствия и оставить Оюба Титиева под стражей еще на два месяца, до 9 мая 2018 года, сославшись на наличие в материалах дела сведений о том, что Титиев намерен скрыться от следствия и тем воспрепятствовать установлению истины по делу.
«Решение об аресте Оюба было вынесено заранее. Это не судебное, а административное решение. В ходе процесса было совершенно ясно, что судья не должен продлевать заключение под стражу, потому что никаких доказательств и оснований для этого не было приведено. Но следствие, похоже, и не собирается приводить какие-либо доказательства. Они заранее уверены, что им достаточно запросить продлить арест, и суд его продлит», – отметила руководитель правозащитной организации «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина, подчеркнув, что решение суда нарушило положения Европейской конвенции о правах человека.

В защиту Титиева выступили Amnesty International, Европарламент, комиссар Совета Европы по правам человека Нилс Муйжниекс, Евросоюз, директор Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ) Ингибьёрг Сольрун Гисладоттир, Civil Rights Defenders, МИД Норвегии, правительство Германии, Платформа гражданской солидарности, Human Rights Watch и большое число других государственных и неправительственных структур в Европе и США.
В своём заявлении Евросоюз указывает на, что арест Оюба Титиева в Чечне “продолжает вызывающую беспокойство тенденцию арестов, а также нападений, запугивания и дискредитации независимых журналистов и правозащитников, работающих в этом регионе Российской Федерации”.
“К аналогичным случаям в прошлом относятся дело журналиста Жалауди Гериева и дело президента “Ассамблеи народов Кавказа” Руслана Кутаева, которые были осуждены на сомнительных основаниях. Дело г-на Титиева вызывает особую обеспокоенность ввиду того, что его предшественница, г-жа Наталья Эстемирова, была убита в 2009 году и никто до сих пор не был привлечен к ответственности за это преступление”, - отмечается а заявлении ЕС.

Алина Абаева

НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПОЛИЦИИ

Дело об убийстве жителя Владикавказа в полицейском участке пытаются замять

Следственный комитет Северной Осетии уже два года расследует дело о смерти жителя Владикавказа Владимира Цкаева после допроса в полицейском участке. По обвинению в причастности к преступлению были задержаны десять сотрудников полиции, однако все они в настоящее время находятся под подпиской о невыезде. Последних троих задержанных, находившихся под арестом, суд отпустил 2 января. Это вызвало крайнее возмущение у родственников убитого, а также в социальных сетях. После этого родные Цкаева провели санкционированный пикет с требованием справедливого расследования уголовного дела.

31 октября 2015 года сотрудники полиции пришли домой к 39-летнему Владимиру Цкаеву и попросили его отправиться с ними в участок для беседы, которая займет всего час-два. Накануне в их районе кто-то стрелял в сотрудника ОМОНа Роланда Плиева, они хотели выяснить, не знает ли Цкаев чего-либо о случившемся. Хотя в тот день в доме проходили поминки его матери, Цкаев согласился и поехал в Иристонский отдел полиции. Живым он оттуда уже не вернулся. Владимира Цкаева похоронили в родовом селении Кобань. У него остались жена и двое маленьких детей.

Сразу после случившегося родственники Цкаева устроили акцию протеста у стен МВД республики, требуя встречи с руководством министерства и наказания виновных. Они принесли с собой плакаты с посмертными фотографиями Владимира, на которых были отчетливо видны следы пыток. К протестующим вышел бывший на тот момент главой ведомства Артур Ахметханов, который сообщил, что по факту инцидента проводится проверка, а материалы дела направлены в Следственный комитет.

«Мы проводим служебную проверку в отношении сотрудников полиции, которые занимались данным гражданином. Никто ничего не собирается скрывать, мы все материалы передадим следователям», - сказал тогда министр ВД Северной Осетии.

Как стало известно из информации МВД, В. Цкаев был задержан в ходе оперативно-следственных действий, после того, как на улице В. Абаева был ранен сотрудник полиции.

В ходе допроса находящийся на тот момент в реанимации сотрудник ОМОНа Роланд Плиев заявил, что в него стрелял Владимир Цкаев (он узнал его по предъявленным ему фотографиям) в результате произошедшего между ними конфликта. При этом выяснилось, что ранее мужчины между собой знакомы не были. Однако родственники погибшего заявили, что Владимир Цкаев не имеет к этому никакого отношения. Позже в совершении преступления признался его близкий друг Марик Букулов, отметив, что он действовал в пределах самообороны. В ходе судебного разбирательства было установлено, что именно он стрелял в Р. Плиева. Суд приговорил М. Букулова к 2,5 годам лишения свободы.

Смерть Владимира Цкаева в Иристонском отделе полиции вызвала широкий общественный резонанс в Северной Осетии. Министру МВД Артуру Ахметханову пришлось уйти в отставку. Недавно Следственный комитет, который уже два года занимается расследованием этого уголовного дела, предъявил окончательные обвинения в совершении преступления 10 сотрудникам полиции, включая начальника отделения. Новость об изменении меры пресечения последним троим обвиняемым, находящимся под арестом, вызвала в социальных сетях шквал критики в адрес следственных органов. В результате Следственному комитету пришлось

выступить с официальным объяснением по этому поводу.

«Всем обвиняемым, а это начальнику отделения и девяти сотрудникам отдела уголовного розыска отдела полиции УМВД России по городу Владикавказу в зависимости от роли каждого из них предъявлено окончательное обвинение в злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ), превышении должностных полномочий с применением насилия, специальных средств, с причинением тяжких последствий (п.п. «а, б, в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), служебном подлоге (ч. 2 ст. 292 УК РФ) и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на окончание расследования, – обвиняемые знакомятся с материалами уголовного дела. В связи с тем, что в материалах дела 75 томов, на ознакомление потребуется определенное время. Затем уголовное дело будет передано прокурору для утверждения обвинительного заключения, после чего направлено в суд для рассмотрения по существу. Мера пресечения троим обвиняемым – заключение под стражу – отменена только по причине истечения предельного срока содержания под стражей, предусмотренная ст. 109 УПК РФ. Ход расследования данного уголовного дела находится на постоянном контроле у руководства следственного управления», — сообщили в пресс-службе ведомства.

Однако у родственников и адвоката семьи Цкаевых иная версия. Защита назвала освобождение из-под стражи троих обвиняемых по «делу Цкаева» под подписку о невыезде саботажем следствия. «Потому что были освобождены из-под стражи преступники, которые обвиняются, в том числе, по ч.4 ст.111 УК РФ, а это причинение тяжкого вреда потерпевшему, приведшее по неосторожности к его смерти. Фактически они находятся на свободе. Для нас это является плевком в лицо потерпевшим», - заявила адвокат семьи Цкаевых Анжелика Сикоева.

31 декабря 2017 года состоялось судебное заседание, однако следователь, ведущий дело, неправильно оформил документы и не вовремя подал их в суд, что и послужило причиной изменения меры пресечения обвиняемым, считают родные и адвокат Цкаевых.

«Он опоздал. Он вовремя не заявил о необходимости продления сроков содержания под стражей, вот так они вышли на свободу. Я не нахожу этому оправдания. Случайности

я в этом тоже не нахожу. Я считаю, что это было сделано специально и по заказу», -- заявила Сикоева.

Вдова Владимира Цкаева Земфира 9 января на встрече с журналистами обвинила Следственный комитет республики в бездействии.

«Нужно было умудриться за два с лишним года не раскрыть преступление, которое было совершено не на улице, не в лесу, а в конкретном здании, в конкретном кабинете конкретными фигурантами. На сегодняшний день мы имеем 10 человек, которые проходили по этому делу и находятся дома под подпиской о невыезде. За два года и два месяца Следственный комитет не смог собрать доказательства и сделал все возможное, чтобы просто распустить людей… Я не знаю второго такого опыта Следственного комитета, чтобы после жестокого убийства, совершенного 10 оперуполномоченными сотрудниками, их взяли и просто отпустили. Давайте тогда спрячем труп Цкаева и притворимся, будто ничего не было! Человека пытали, душили! У нас есть официальное заключение, что смерть наступила от удушья. Такие факты не скроешь», — заявила Земфира Цкаева журналистам.

Также она рассказала, что в приватной беседе один из обвиняемых по фамилии Бигаев признался, что во время пыток над Владимиром Цкаевым они использовали провод от военно-полевого телефона, который вырабатывал электрический ток.

«Бигаев сказал: «Каждый из нас прокрутил его по 15 минут током». Это он озвучил, и его адвокат это знает. А мы не можем этого доказать, потому что не было ни криминалистов, ни экспертов и потому что с тела убитого (Цкаева) эти электрометки просто срезали в морге», – сказала вдова Владимира Цкаева.

Через несколько дней после встречи с журналистами, а именно 13 января, родные Цкаева провели санкционированный пикет против полицейского произвола, где снова потребовали объективного расследования, а также переквалификации обвинения на «убийство». Они опасаются, что уголовное дело хотят «замять».

Двоюродная сестра Владимира Цкаева по имени Альбина во время протестной акции обратилась к Следственному комитету, который, по ее словам, «на корню начал губить это дело», с просьбой проявить, наконец, объективность и сделать все возможное, чтобы наказать виновных в этом преступлении. А брат погибшего Георгий Цкаев выразил возмущение предъявленными полицейским обвинениями. Он заявил, что статья «причинение смерти по неосторожности» должна быть переквалифицирована на «убийство».

«Мне не понятно, какая тут могла быть неосторожность? Тут налицо факт убийства с особой жестокостью человека, который находился в беспомощном состоянии (ч. 2 ст. 105 УК РФ), потому что у него руки и ноги были закованы. Вы все видели следы на фотографиях! Его пытали током, задушили пакетами и в итоге убили», — сказал родственник В. Цкаева.

В начале января в Северной Осетии назначили нового руководителя Следственного комитета Виктора Наумова. Родственники надеются, что он отнесется к их делу более ответственно, чем его предшественник.

На сегодняшний день несколько человек, которые имели отношение к расследованию смерти Владимира Цкаева, уволены из следственных органов, – сообщила двоюродная сестра погибшего Ирина.

«Тех, кто мешал вести расследование, уволили. Мы уже встречались с новым руководителем Следственного комитета, будем надеяться, что он доведет дело до конца», -- сказала Ирина Цкаева.

Супруга Владимира Цкаева Земфира подтвердила, что из правоохранительных органов были уволены руководитель второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по Северной Осетии Важа Джусоев, следователи Виссарион Дзидаханов и Иран Касаев.

Сейчас вдова Цкаева добивается переквалификации шестерым обвиняемым по делу о смерти ее мужа, а именно – полицейским Дзампаеву, Датиеву, Цуккиеву, Валиеву, Бигаеву и Бузоеву, обвинения со ст. 285 УК РФ на 286 УК РФ.

Она заявила, что семья не намерена сдаваться и будет добиваться справедливого расследования уголовного дела. Земфира Цкаева поблагодарила всех жителей республики, которые не остаются равнодушными к их трагедии и морально поддерживают близких убитого.

Расследование этого дела также находится на контроле у главы Северной Осетии Вячеслава Битарова.

Лея Гуревич

ГРАНАТА ПОД ПОДУШКОЙ

Ингушского оппозиционера обвиняют в «незаконном ношении оружия»

Магомед Хазбиев, известный ингушский оппозиционер и общественный активист, находится в СИЗО города Карабулак с 11 января 2018 года. Ему предъявлено обвинение в незаконном хранении оружия. Сам он утверждает, что обвинение сфабриковано. Адвокаты настаивают на изменении меры пресечения. Хазбиев страдает язвенным колитом и нейродермитом. Это те болезни, при которых подследственного обязаны выпустить на лечение.

В течение трех лет он находился под госзащитой в Чечне, куда переехал после пережитого в 2015 году покушения. И вот 1 февраля 2018-го в Хазбиева снова стреляли, на сей раз возле грозненской больницы. Однако в начале этого года оппозиционер от государственной защиты отказался и выразил намерение вернуться домой. Ныне, когда он это намерение исполнил, Магомед уже взят под стражу.

Магомед Хазбиев

Хазбиев – последовательный критик и оппонент президента Ингушетии Евкурова, а также его предшественника Зязикова. С середины двухтысячных и по сию пору Хазбиев не устает обличать коррупцию и кумовство в местной власти, а также говорит вслух о похищениях, исчезновениях жителей республики, бессудных казнях, десятках дел по “экстремистским” статьям, сфабрикованных на граждан Ингушетии.

Многолетние непростые взаимоотношения с республиканскими властями оборачиваются для их постоянного критика сплошными неприятностями. Против него применяют самые низкие приемы. Что только не пускали в ход: уголовное преследование, задержания, допросы престарелого отца и братьев Магомеда, визиты силовиков с обысками в дом его родителей в Назрани, избиение близких, вторжения автоматчиков в масках, запугивание родственников, в том числе маленьких детей.

Самого Магомеда доставляли под арест в багажнике автомобиля, удерживали под стражей, предъявляли обвинения по “популярной” статье “незаконное ношение оружия”, выдавливали из республики и страны, желая, по сути, только одного: чтобы он перестал мозолить глаза местному начальству.

Иногда от Хазбиева действительно удавалось избавиться. Так, в 2009 году, после убийства соратника и единомышленника, видного ингушского бизнесмена Макшарипа Аушева, Магомед покинул Россию и несколько месяцев провел в Европе. Но тоска по дому и желание жить на родине взяли свое, невзирая на опасность расправы. Он вернулся, и противостояние продолжилось.

В республике по-прежнему гибли оппозиционеры. В феврале 2013-го силовики пришли с обыском в дом бывшего заместителя министра, члена оппозиционной организации “Мехк-Кхел” Султан-Гирея Хашагульгова. Такой себе рутинный обыск. В предрассветной мгле, с целым отрядом спецназа. Султан-Гирей погиб, якобы убитый ответным огнем. Утверждали, будто он выстрелил в спецназовца первым.

Сама ситуация и то, как ее объясняют силовики, напоминает “случайное” убийство Магомеда Евлоева, другого ингушского бизнесмена и оппозиционера. Его застрелили в полицейской машине практически сразу после того, как он прилетел в Ингушетию из Москвы одним рейсом с тогдашним главой республики Муратом Зязиковым. Версия следствия – был застрелен при попытке завладеть оружием полицейского.

В данный момент Магомед Хазбиев тоже находится в полной власти силовиков. Его держат в камере одного, хотя руководство карабулакского СИЗО настаивает, что это не одиночная камера, а обычная. Магомед объявил голодовку. Как говорит его адвокат Хеда Ибриева, таким образом ее подзащитный выражает протест не только против плохих условий содержания, но и против незаконного преследования в целом.

13 марта состоялось очередное заседание суда, на котором решался вопрос о дальнейшем пребывании Хазбиева под стражей.

– Мы просили хотя бы замены тюремного заключения на домашний арест. Нам отказали. Просили отправить Хазбиева на медицинское освидетельствование на основании справок о заболеваниях. Снова отказ. Между тем человек тяжело болен. У него бывают желудочные кровотечения, и давление повышается, – рассказывает Хеда Ибриева. – На следующий день я пришла к нему на свидание, но меня не пустили, сославшись на отсутствие работника спецчасти, которого больше некому заменить. Таким образом нарушается право Хазбиева на защиту, и это происходит далеко не впервые. Однажды мне испортили удостоверение. Я его восстановила, получила новое. Но сегодня нашелся другой предлог…

По словам адвоката, она обратилась в ОНК (общественную наблюдательную комиссию) и надеется, что ближайший обход СИЗО позволит добиться улучшения содержания для Магомеда. Ибриева призналась, что отговаривала подзащитного от голодовки. По ее мнению, этот шаг пагубно скажется на и так шатком здоровье Хазбиева. Она также утверждает, что в СИЗО не станут принудительно кормить оппозиционера.

– Один раз Хазбиеву вызывали туда “Скорую”. При этом, когда родственники поинтересовались у врачей, как его здоровье, им ответили, что “ничего серьезного”. Полагаю, медики подыгрывают руководству изолятора, – заявляет адвокат.

Брат Магомеда Мурад Хазбиев в разговоре с корреспондентом “Дош” утверждает, что содержание оппозиционера в одиночной камере – прямое указание главы республики Евкурова.

– Евкуров дал указание министру МВД полностью изолировать Магомеда от внешнего мира и засудить его на максимальный срок. Это инсайдерская информация из этого ведомства. Оружие, в хранении которого обвиняют брата, было подкинуто при обыске. Ранее было ещё обвинение в угоне автомобиля. Был человек по фамилии Имагожев, он написал заявление, что купил у Магомеда ворованную машину. Однако потом выяснилось, что на заявителя оказал давление и угрожал пытками бывший начальник ЦПЭ МВД (центра по противодействию экстремизма) Тимур Хамхоев. Позже самого Хамхоева и его заместителя Бекова обвинили в превышении полномочий, пытках задержанных и вымогательстве. Их посадили, Имагожев отозвал заявление и нотариально заверил, что снимает претензии. Дело по угону закрыли. Что же касается инкриминируемого Магомеду оружия, то обыск проводил все тот же Беков.

Всех домочадцев вывели на улицу, силовики добрый час орудовали в доме и только потом вызвали понятых. Пистолет и граната обнаружились в шкафу и под подушкой. Вскоре после этого на Магомеда покушались в Грозном, в связи с чем он принял решение остаться в Чечне. В то же самое время следствие в Ингушетии его “разыскивало”. Однако, когда он и его адвокат предлагали приехать и допросить его в Грозном, кто-то дал команду развернуться и не допрашивать. Магомеда заочно арестовали. На пистолете и гранате якобы обнаружили его отпечатки, что нереально при его заболевании. Нейродермит. Пальцы трескаются, кровят и никак не могут оставлять отпечатки. Он еще с 2012 года лечил это заболевание.

В январе 2018-го, когда Хазбиев выразил желание вернуться в Ингушетию, во двор его дома прилетела граната. Люди не пострадали, имущество – да. Сгорела машина, припаркованная во дворе. Это было, как полагает сам оппозиционер и его близкие, попыткой запугать оппозиционера, не дать вернуться в республику.

– Возбудили дело по факту брошенной гранаты. Но никаких результатов. Да сколько уже раз происходило подобное! Нас обстреливали, но покушавшихся никогда не находили, все дела закрывали. И это тоже закроют. На улице даже нашли чеку от гранаты. Но по следам на ней представляется невозможным установить кидавшего, – говорит Мурад Хазбиев. – Все понимают, что это шоу, что Магомед политзаключенный. Это подтверждает и тот факт, что люди из правительства республики были у старейшин нашего рода и предлагали сделку: если Магомед скажет, что был неправ в отношении Евкурова, что зря критиковал, что на самом деле Юнус-Бек хороший глава, то его отпустят. Такие условия ставили, – говорит Мурад Хазбиев.

Правозащитник, глава организации «Машр» Магомед Муцольгов считает, что Хазбиев опасен властям своей популярностью, решимостью предавать гласности факты, неудобные начальству:

– Он разоблачает местную власть, публикует компромат на руководителей. Если бы так опозорили японского чиновника, он наверняка сделал бы себе харакири. А тут, в Ингушетии, к такому относятся очень просто: решили посадить Магомеда. Почему не ищут тех, кто кидается гранатами в дома оппозиционеров? Ведь это происходит далеко не в первый раз. Руководство республики ни разу вслух не осудило подобных преступлений. Это очень показательно – молчание власти. Казалось бы, ФСБ должна носом рыть землю, чтобы узнать, что это за люди, у которых припрятаны ящики гранат. Даже если эти неизвестные сегодня поддерживают власти, вдруг они завтра передумают и гранаты полетят в дома чиновников?

Помимо этого, стоит обратить внимание, что силовики, которые возбудили дело против Хазбиева и активно его обвиняли, сами сейчас находятся под следствием по очень тяжким статьям. Вымогательство, пытки… Стоит ли доверять выводам преступников и их работе по делу оппозиционера?

Амина Закаева

ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ В СТРАСБУРГ

Евросуд признал нарушения при этапировании в колонию Тимирлана Цацаева

Европейский суд по правам человека удовлетворил жалобу Тимирлана Цацаева, заявившего о ненадлежащих условиях содержания при этапировании к месту отбывания наказания.

Как писал «ДОШ» в №1-2016 в материале «Жертвы потерянного полицейского удостоверения», двое молодых московских чеченца 21-летний Тимирлан Цацаев и 22-летний Аслан Каутаров были задержаны 12 ноября 2014 года по подозрению в разбойном нападении на сотрудника московской полиции. Им инкриминировалось преступление по ч.2 ст. 162 УК РФ (разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с. применением насилия, опасного для жизни или здоровья) и ч.2 ст. 325 УК РФ (похищение или повреждение документов). Обвиняемые своей вины не признали, более того, Цацаев заявил, что подвергался пыткам. Многие наблюдатели были уверены в полной фабрикации всего уголовного дела в отношении двух молодых чеченцев, однако Никулинский районный суд Москвы приговорил их к 5 годам и одному месяцу лишения свободы каждого.

Тимирлан Цацаев со своим адвокатом в Гагаринском районном суде г. Москвы, 2015 г.

«Защита считает Цацаева и Каутарова невиновными… у Аслана Каутарова и Тимирлана Цацаева были алиби», - рассказала адвокат Цацаева Рисалат Андисова, добавив, что ее подзащитный в настоящее время отбывает наказание в ИК-1 города Чебоксары.

Тимирлан Цацаев подал жалобу в ЕСПЧ в связи с ненадлежащими условиями содержания во время этапирования к месту отбывания наказания, рассказала адвокат, добавив, что решение она получила 30 января.

Согласно решения суда Тимирлан Цацаев жаловался на переполненность камеры, отсутствие душа, пассивное курение, грязь и плесень в камере, отсутствие питьевой воды.

“Суд усмотрел явные признаки нарушения ст. 3 Конвенции о правах человека (запрет пыток)”, - отметила адвокат.

«Я подавала жалобу в Европейский суд по правам человека в отношении моего подзащитного Тимирлана Цацаева о нарушении ст. 3 Конвенции прав человека и основных свобод. Жалобу о том, что никто не должен подвергаться бесчеловечному или унижающего достоинство обращению. Я жаловалась на то, что мой подзащитный находился в переполненной камере СИЗО-3 города Москвы, где было отсутствие свежего воздуха, пассивное курение в камере, затруднительный доступ к использованию душа, невозможность пользоваться туалетом в уединении. Не было подобающей медицинской помощи. В камере стены все в плесени, качество питьевой воды отвратительное», - отметила в интервью «ДОШ» адвокат Андисова.

По ее словам, также были ненадлежащие условия при перевозке с места отбытия наказания в судебные органы, и при этапировании к месту отбывания наказания из Москвы в Чебоксары.

Рисалат Андисова считает, что не только в отношении её подзащитного была нарушена ст.3 Конвенции. «Такая ситуация складывается у всех, кто содержится во всех СИЗО страны. Но, очевидно, в настоящее время правительству России выгоднее выплачивать компенсации по решениям ЕСПЧ, чем навести порядок в СИЗО и изменить условия содержания под стражей. Думаю, если адвокаты и обвиняемые и осужденные будут писать о подобных нарушениях жалобы в Европейский суд, то может тогда ситуация изменится», - сетует адвокат.

ПОТРЯСЕНИЕ

“Память”, картина Рустама Яхиханова

В день национальной скорби 23 февраля 1991 года в Грозном состоялась премьера народной драмы С.-Х. Нунуева «Один лишь Бог».

Спектакль воскрешал события 1944-1958 гг. Сборы от спектакля планировалось передать в фонд строительства мемориала, посвященного жертвам сталинских репрессий. Спектакль поистине потрясал. 800 зрителей на едином дыхании переживали происходящее на сцене.

По окончании спектакля произошло непредвиденное – на сцену стали выходить зрители, делиться личными воспоминаниями и вносить деньги на создание мемориала.

В их словах, идущих от сердца, сквозила гордость за родной народ, который в критических обстоятельствах смог сохранить свои лучшие качества и добрые отношения с другими народами.

На ту премьеру оператор Северо-Кавказской студии кинохроники, который снимал фильм об этом спектакле, взял с собой десятилетнего сына. Пьеса шла на чеченском языке, зал был радиофицирован, но переводчик не всегда поспевал за актерами. В конце концов, мальчик отставил в сторону наушники – содержание было понятно и так.

Домой после премьеры он вернулся потрясенный. Своими впечатлениями делился с друзьями – Магомедом и Муртазом. Донимал родителей вопросами: как такое могло случиться, чтобы весь народ выслали? И почему ни он, ни его одноклассники ничего об этом не знают? Родители чувствовали, что в этих расспросах сквозило обвинение в адрес взрослых. У мальчика было очень много вопросов, и не на все родители могли ответить.

С тех пор прошло много лет. Тому мальчику уже больше тридцати, и живет он за границей. Но каждый год 23 февраля он связывается со своими друзьями. Не знаю, о чем они подолгу переговариваются по скайпу. Одно несомненно: для него эта дата – по-прежнему траурная. И никогда не станет другой.

«Я ДУМАЛА, ЧТО УЖЕ УМЕРЛА, А СОЛНЦЕ В КОМНАТЕ – ЭТО РАЙ»

Дед Султана, чувствуя, что жить ему осталось не так уж и много, наказал внуку поехать навестить могилу его племянницы. 18-летняя девушка из рода Евлоевых во время депортации потерялась и жила в семье Матиевых.

- Дед сказал, что умерла она в 1944 году, а похоронили ее на кладбище у селения Амангельды, где-то за Павлодаром. Мы выехали туда в конце ноября в 1982 году, - рассказывает Султан. – Мороз минус 16 усиливался еще за счет ветра. Сюда, за Иртыш, в чистое поле привезли чеченские и ингушские семьи в феврале 1944 года. Как нам рассказывал провожатый, люди рыли землянки, чтобы хоть как-то укрыться от стужи. Уже потом здесь появились села Образцовка, Петропавловка. Мы проезжали эти населенные пункты, где никто уже не жил. Только в Петропавловке в то время еще жила одна ингушская семья. Дорога была пустая, мела поземка. Видели, как на обочине несколько волков рвали на части заваленную ими лошадь. На нашу машину они не обратили внимания. В селении Амангельды тоже никто не жил. Мы отправились к кладбищу, которое располагалось за селом. То, что я увидел, врезалось в память на долгие годы: больше половины кладбища занимали маленькие могилы. В них было похоронены дети. На чуртах одна дата смерти – 1944 год. Старик, который жил здесь в годы ссылки и вызвался быть нашим проводником, сказал, что в иной день приходилось хоронить по нескольку человек детей. «В первый год ссылки практически ни в одной семье не был слышен плач младенца. Малыши умирали первыми. Потому и кладбище занято в основном их могилами».

***

Как жилось в первые недели депортации, как выживали люди, чем питались, где прятались от морозов?.. Тех, кто об этом помнит, становится с каждым днем все меньше. Люди уходят в мир иной, унося с собой воспоминания, оставляя на многострадальной нашей земле лишь чурты с датой рождения и смерти. И черточка между этими датами – вся их жизнь, наполненная страданиями, лишениями.

Обычно с трудностями ссыльной жизни в каждой семье старались справляться сообща. Но меня до глубины души потрясла история двух девочек, совсем еще крошек, которым судьба уготовила испытания, непосильные даже для взрослых.

Их зовут Шумисат Магаевна Магомадова и Лидия Абдурахмановна Арсангиреева. (Воспоминания Лидии Абудрахмановны под названием **«Мне суждено было выжить»** журнал «ДОШ» опубликовал ровно год назад в номере 1-2016.)

В 1944 году Шумисат было четыре года, а Лидии - три.

Историю первой из них я узнала от Айзы Магомадовой, ее дочери. К тому времени я часто бывала в их доме на Старых промыслах. И была знакома с Шумисат Магаевной, удивительно доброй, приветливой и спокойной женщиной. Первое, что она торопилась сделать, едва мы появлялись на пороге, это накормить гостей.

Она долго не решалась рассказать, как так получилось, что через полтора года ссылки она осталась одна. Долго перебирала фотографии, сделанные уже здесь, в Грозном. Молчала. Молчала и я, понимая, что ей не так уж легко даже мысленно вернуться в те далекие годы.

-- Я гостила у бабушки в селе Зумсой, а вообще мы жили в Шатое. Помню отца. Он был военным, дома бывал редко. Так получилось, что в ссылку мы с бабушкой отправились другим эшелоном. Маму с детьми раньше увезли в Грозный, а мы пешком из Зумсоя добирались. Бабушка в Шатое пыталась найти маму, но никто не мог ей в этом помочь.

Шумисат Магомадова

Найти Айшат, маму Шумисат, так и не удалось, и в ссылку девочка отправилась со старенькой бабушкой.

-- Помню, в вагоне было очень холодно, – рассказывает Шумисат Магаевна. – За занавеской складывали тела умерших в дороге, и нам, детям, запрещали туда заглядывать, за занавеску. И все время очень хотелось есть.

Их привезли в какое-то село Кустанайской области. Поселили в полуразвалившуюся турлучную хибару. Топили кизяком – так называли лепешки из навоза, смешанного с соломой и горбылем.

- Бабушка с первых дней стала болеть. Но держалась, все приговаривала, что ей нельзя умирать, пока не найдется Айшат, моя мама. Но ей становилось все хуже, и тогда бабушка стала учить меня растапливать печку, готовить еду. Собрала мешочек с мукой, пшеном. Все гладила меня по голове и плакала, что я пропаду без нее.

Потом бабушка умерла. После ее смерти запасы муки и пшена быстро кончились, и Шумисат стала ходить по помойкам, искала что-нибудь съестное. Иногда кто-нибудь давал девочке тарелку супа или кусок лепешки, что было для нее несказанной радостью. Сама она никогда ни у кого ничего не просила.

- Было стыдно попрошайничать. Да и у всех тогда было тяжелое положение. Люди умирали целыми семьями,– говорит Шумисат Магаевна.

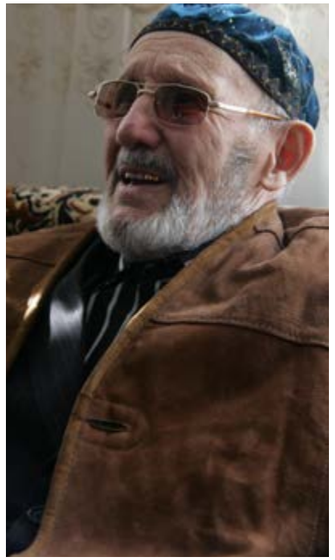
Потом девочка заболела. Несколько дней она лежала, натянув на себя все, что имелось в хибаре. Пришла в себя от того, что в комнате вдруг стало очень светло от солнца, которое пробивалось в окошко.

- Я думала, что уже умерла, а солнце в комнате – это рай, - говорит она. Но постепенно до нее дошло, что кто-то уже давно настойчиво барабанит в дверь. С трудом добралась до двери, откинула крючок.

На пороге стоял соседский мальчишка. Чуть постарше ее самой. «Болеешь, что ли?» – спросил он девочку. И протянул ей тушку птички, запеченную на костре.
– Вот и стала я вместе с мальчишками ловить воробьёв и голубей. Мы запекали их на костре. Я была самой маленькой в этой компании, и мальчики меня опекали. Так я и выжила, - улыбается Шумисат.
Около двух лет девочка, совсем еще ребенок, жила одна. И только в 1947 году нашлась ее мама, которая жила, оказывается, в Актюбинской области.
Сейчас Шумисат Магаевна живет в Грозном. Рядом с ней ее дети и внуки. Лишения, что выпали на ее долю, по сей день дают о себе знать – здоровье оставляет желать лучшего. Но она жалеет лишь об одном: что не запомнила ни одного из тех мальчишек, которые в те страшные дни спасли ее от голодной смерти.

ЖИТЬ ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

С жителем села Альтиево Адлопом Мальсаговым мне довелось познакомиться зимой 2012 года. Рассказывая о своем житье-бытье, о внуках и правнуках, чьи транспортные единицы – машины, велосипеды и тракторы – были разбросаны по двору, Адлоп несколько раз подчеркивал, что ему всегда везло на хороших людей, он счастливый человек.
Говорить о депортации, о годах ссылки в далеком краю не хотелось, учитывая преклонный возраст собеседника – на тот момент ему было 90 лет. Мало ли какую реакцию могут вызвать воспоминания о таких тяжелых временах? Но Адлоп сам завел разговор о февральских днях 1944 года.

Адлоп Мальсагов

- Отца вызвали в сельсовет, это было в ноябре 1943 года, и сказали, что к нам на постой определили двух офицеров. Помню, им было лет по тридцать. В военной форме мы их никогда не видели. Они утром куда-то уезжали, а привозили их домой уже поздно вечером. Никогда мы не видели, чтобы они курили или были выпивши. Часто приносили конфеты детям. Подушечки, были такие конфеты, – улыбаясь, вспоминал Адлоп.
И помолчав, продолжил:
– Помню, перед выселением наших постояльцев дня два не было дома. Отец тогда сказал, что служба у них такая: может, уехали куда.
А 23-го рано утром всех мужчин собрали в мечети и сообщили, что нас выселяют. За что, куда – толком ничего не сказали. Выселяют – и все тут. Только сказали, чтобы тёплых вещей взяли побольше, а то там, куда нас повезут, холодно очень. А кому сказать, чтобы теплые вещи брали? Нас-то всех, мужчин и парней, тут же погрузили и увезли в Назрань на станцию. Женщинам на сборы дали три часа, потом их тоже погрузили на машины и на станцию привезли, где распределили по вагонам. Нас, альтиевцев, всех в один вагон поместили.
Что творилась в вагоне, сейчас трудно представить. Плач детей, которых вытащили из теплых постелей и доставили в выстуженный вагон, растерянность взрослых… Люди находились в полной неизвестности. И вдруг совершенно неожиданно появился один из постояльцев Мальсаговых: «Адлоп, вы здесь? Мы сейчас приедем, не переживайте»
– Честно говоря, сначала подумалось, что, может, нашу семью оставят дома. Ведь мы очень подружились с нашими постояльцами за три с лишним месяца, что они у нас прожили. С другой стороны, подумал: «Может, нас и вернут домой, а как же остальные сельчане? Их увезут?» – Такие вот мысли возникли.
Но домой никого возвращать не стали. Состав еще сутки простоял на станции. За это время постояльцы Мальсаговых привозили и сгружали в вагон мешки с мукой, кукурузой, несколько трехлитровых банок топленого масла.
- Забили всех наших кур и индюков и тоже забросили в наш вагон. Короче говоря, все съестные припасы, которые у нас были в доме, все теплые вещи перекочевали к нам в вагон. Так что в нашем вагоне люди не голодали и не мерзли.
Еды хватило на всех 57 человек, – вспоминал мой собеседник. –Вот я и говорю, что нашей семье, видно, повезло больше, чем другим. Ведь среди тех, кто нас выселял, были и жестокие люди. Всякий свой долг выполняет, как велит ему сердце. Те, кто жил у нас в доме перед выселением, были людьми порядочными и честными, – высказал свое мнение Адлоп.
… 15 дней в пути были полны тревог, всех мучила неизвестность. Слухи ходили разные. Говорили, что везут их к Каспийскому морю, там поезд загонят на паром, отплывёт паром на середину моря и весь поезд затопят вместе с людьми. Поэтому, когда состав остановился и солдат, лязгнув засовом, отворил дверь товарняка со словами: «Прибыли, болезные! Выходите по очереди!», у многих от сердца отлегло. Вокруг простирались бескрайние заснеженные степи, но было хотя бы понятно – это не море.
Сначала жители Альтиево высадились на железнодорожной станции Кайбагор Кустанайской области Казахстана. В 40-градусный мороз всех загнали в холодный барак. Это был перевалочный пункт. А рано утром, едва рассвело, к бараку подъехал трактор, к которому было прицеплено несколько волокуш. Получился длинный караван, предназначенный для спецпереселенцев. Путешествие растянулось на несколько суток, и все это время стояла 40-градусная стужа. Конечным пунктом являлся Кушмурунский совхоз № 497, где и прошли годы ссылки Адлопа Мальсагова и его семьи.
– Всех загнали в школу, – вспоминал он. – Пришел маленький казах, плохо говоривший по-русски. Поняли одно – нужно идти в баню. Впервые за 17 дней мы, наконец, смогли помыться. И только после этого нас стали распределять по домам. Нашу семью поселили в дом, где жили немцы. Там было много ссыльных немцев. Их еще раньше нас выселили. У нас с ними сложились хорошие отношения. А что делить ссыльным? Нечего.
Совхоз Кушмурунский находился вдали от крупных населенных пунктов, и многие семьи старались перебраться поближе к городу, райцентру.
– А мы никуда не стремились уехать, - сказал мой собеседник.
– Построили дом. Работы мы не боялись, с соседями жили дружно. Вот я потому и говорю, что даже в ссылке нам повезло: никто не умер, не голодали. Была работа. Но вот по дому там, в Кушмуруне, скучали, конечно. Все ждали, когда же нас вернут на родину.
Смерть Сталина стала для ссыльных предвестием добрых перемен. В 1956 году упразднили комендатуры. А в 1958-м вся семья Мальсаговых вернулась в Альтиево, в этот небольшой уютный дом, у ворот которого растет роскошный куст сирени, посаженный сразу после возвращения из ссылки.

Татьяна Гантимурова

НЕ ЗАБЫТЬ

Вайнахи Турции вспоминали жертв геноцида 1944-го

Вечер памяти собрал в 74-ю годовщину сталинских депортаций чеченцев и ингушей Стамбула в культурном центре имени Эмина Сарача.
Уже ставшее традиционным ежегодное мероприятие в этот раз подготовили представители диаспоры, чеченская общественная организация Турции «Кавказдер». Среди приглашенных гостей были представители чеченской и ингушской диаспор Турции и органов власти страны, а также жители Стамбула.
Вечер начался с чтения Корана на арабском языке, после чего присутствовавшим были продемонстрированы кадры кинохроники из запрещенного к показу в российском кинопрокате фильма Руслана Коканаева «Приказано забыть».
Руководитель организации «Кавказдер» Али Висхаджиев напомнил о трагической странице истории чеченского народа, связанной с выселением вайнахов со своей земли в 1944 году.
Он назвал это событие «геноцидом чеченцев и ингушей», возложив ответственность за произошедшее на сталинский режим, и заявил при этом, что «на сегодняшний день политика страны в отношении чеченцев не изменилась».
«Ровно 74 года тому назад наши доблестные предки, вероломно, жестоко и безжалостно загнан-

ные в товарные вагоны, были депортированы в Среднюю Азию. По дороге, а затем уже на новом месте погибло более половины вайнахов. Массовое сожжение в селении Хайбах более 700 женщин, детей и стариков также не удовлетворило этих вандалов, в довершение надругательства они выложили из наших могильных камней тротуарную плитку», – рассказал Висхаджиев.
Выступавшие отмечали в своих речах, насколько важно сохранить подлинную историю предков, не предать забвению геноцид, учиненный над своим народом, передать подрастающим поколениям память об этом.
На сцене также выступили дети, они читали стихи на чеченском языке, а в вестибюле культурного центра прошла фотовыставка, посвященная 74-й годовщине депортации.

Аслан Бзаров

«МЫ ОТСТОЯЛИ СВОЙ ПАМЯТНИК»

День памяти и скорби чеченцы-аккинцы провели в Ярык-Су

Без малого тридцать лет у Камня скорби у кладбища селения Ярык-Су 23 февраля проходят траурные мероприятия, посвященные депортации вайнахского народа в Среднюю Азию. Такое же мероприятие, как и планировалось, прошло вчера, 23 февраля. Об этом корреспонденту журнала «Дош» сообщил член Совета Старейшин Дагестана Имампаша Чергизбиев.
Памятник жертвам сталинизма чеченцам-аккинцам установлен был 19 февраля 1989 года рядом со старым кладбищем селения Ярыксу-Аух (Ныне Чаравали Новолакского района Дагестана). Памятник был первым такого рода в стране. Имампаша рассказывает, что «до 23 февраля 1989 года, годовщины депортации, наши парни каждую ночь несли у Камня скорби дежурства. Потому что мы знали, что в одном из дворов стоит наготове бульдозер, чтобы ночью снести наш памятник».
Он также поведал, что в июле 1989 года республиканскими и местными властями был организован митинг в селении Новолакское. «Собралось около 3 тысяч человек, митингующие требовали перенести памятник за пределы Новолакского района, а нас, чеченцев, требовали выселить в Шелковской район Чечено-Ингушской АССР», - вспоминает Имампаша Чергизбиев.
«Но мы отстояли свой памятник. Это была маленькая, но победа»,- считает он.
«Памятник этот поистине народный. Потому что каждый своим долгом принять участия в том коллективном и организованном строительстве. Много было противоборств, и порой вражеского настроя, как со стороны власти, так и со стороны новолакцев, которые после выселения чеченцев-аккинцев чувствовали себя на наших землях полноправными хозяевами. полноправными хозяевами», - вспоминает Чергизбиев.
Памятник представляет собой два больших камня с информационной надписью на чеченском и русском языках. Камень, лежащий на земле, символизирует смерть, другой, который тянется к небу — жизнь. Тринадцать ступенек вверх — тринадцать лет жизни вдали от Родины, годы унижений, незаслуженных упреков, косых взглядов.
А 23 февраля, как всегда к назначенному времени у Камня скорби собралось много народа.
«Было очень много машин, что говорит о том, что на траурное мероприятие приехали чеченцы из приграничных населенных пунктов Чечни. Как и положено, провели мусульманский поминальный обряд. Затем наши старейшины, которые хорошо помнят то холодный февральский день 1944 года, выступили перед собравшимися. Они говорили о том, что выжить в тех трудных условиях особенно в первый год депортации, помогло единство народа, умение сообща преодолевать трудности», - сказал Чергизбиев.
Он также особо отметил, что как бы не сложилась общественно-политическая ситуация, но народы, которые подверглись депортации, не должны забывать об этом для того, чтобы подобное больше не повторялось.
Один из чеченцев-аккинцев сказал, что День памяти и скорби они всегда отмечают 23 февраля. «Мы знаем, что День памяти и скорби в Чечне перенесли на май. Нам никто не предлагал перенести проведение траурных мероприятий. Но даже если бы нам такое и предложили, то мы бы отказались переносить святую для нас дату на другой день. Мы уверены, что подобные даты в память тех, кто умер в ссылке, переносить нельзя», - сказал собеседник «Дош»
Житель Новолакского района Багавдин сказал что такие мероприятия чеченцы-аккинцы проводят каждый год. «Всегда это проходит спокойно, без нарушений общественного порядка. Жители Ярык-Су сейчас с пониманием относятся к таким мероприятиям» - сказал Багавдин.

Фото Мурада Тагирова

Амина Закаева

«ОНИ НЕ ХОТЕЛИ УХОДИТЬ ИЗ СВОИХ ДОМОВ»

В израильском госпитале Тель-Хашомер на прием к врачу-нефрологу пришел 90-летний больной – Отар. Репатриант из Грузии, он не знает ни одного языка, кроме грузинского, хотя и прожил в Израиле почти четверть века. Поэтому к докторам он ходит с сыном, который выполняет роль переводчика. Как большинство пожилых пациентов, Отар тоже любит рассказывать врачу не только о своей болезни, но и вообще поговорить о жизни.
– У меня богатая жизнь. Я даже был во время войны в Чечено-Ингушетии. Ты даже не знаешь, наверное, что есть такая республика.
Доктор, женщина, родившаяся и выросшая в Грозном, продолжая выписывать пациенту рецепты, говорит:
- Знаю-знаю такую республику.
Но Отар, погруженный в свои воспоминания, пропускает мимо ушей ее слова и продолжает:
- Я, когда служил в армии во время войны, принимал участие в выселении чеченцев. Ты вот не знаешь, а там есть такой народ.
- Да знаю я, что есть такой народ. Я там родилась и жила, – говорит доктор.
Тут сын начитает втолковывать отцу, что врач родом оттуда, из Чечено-Ингушетии, из Грозного. Удивившись такому совпадению, Отар продолжает свое повествование:
– Когда выселяли чеченцев и ингушей, я был автоматчиком. Дело было в горах, в чеченском селе. Я очень боялся, что меня заставят стрелять. Не заставили, обошлось. Но ты знаешь, они такие упрямые были – не хотели уходить из своих домов.
– Упрямые, говоришь? Но, Отар, ты, когда ко мне приходишь, очень часто рассказываешь, какой дом у тебя был в Телави, какой виноградник, какой большой сад. Ты до сих пор еще грустишь о том доме. Но ведь тебя никто не выгонял оттуда, ты сам покинул свой дом и приехал сюда, в Израиль. И твой большой дом с круговой верандой, как ты говоришь, тебе снится до сих пор. А ведь этих людей, чеченцев и ингушей, выгоняли силой из их домов и отправляли в ссылку. Зимой, в холод, с маленькими детьми и больными стариками... А ты называешь их упрямыми. – И обратившись к сыну Отара, доктор попросила:
– Переведи ему дословно, что я сказала.
Отар с сыном ушли. Но минут через 10 в кабинет заглянул сын Отара.
– Отец просил сказать, что твои слова заставили его думать иначе о том, что было тогда в горном чеченском селе.

Картина Рустама Яхиханова “В вагоне, 1944”.

Татьяна Гантимурова

ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ
В ОЧАГИ ПРЕДКОВ

НА ВЫСЕЛЕНИЕ БАЛКАРСКОГО НАРОДА УШЛО ВСЕГО ДВА ЧАСА

Фонд содействия развитию карачаево-балкарской культуры «Эльбрусоид» провел 8 марта вечер памяти жертв депортации балкарского народа. Это мероприятие собрало молодых людей из разных республик Северного Кавказа, которые проживают в Москве, учатся в учебных заведениях столицы.

У каждого из собравшихся в этом зале молодых людей, было что рассказать собравшимся о том, как проходило выселение, и какие трудности пришлось пережить балкарцам, которые были вынуждены покинуть свои дома. Как сказал Руслан – студент-медик, обо всем этом нам рассказывали наши старшие: как правило бабушки «Они в основном воспитывали нас, своих внуков. Родители, как правило, всегда были заняты на работе и возвращаясь домой успевали только поинтересоваться: как дела в школе и что сегодня обедали», - говорит Руслан.

Ведущие вечер памяти Аминат Джуккаева и Юсуф Джаппуев напомнили присутствующим, что на выселение ушло всего два часа времени. «Рано утром 8 марта старикам, женщинам, детям было приказано собираться в дорогу. Всего в течении двух часов все население балкарских сел было погружено в грузовые машины Депортации подверглись все без исключения: участники Гражданской и Отечественной войн, инвалиды войны, их жены и даже прикованные к постели дети. К местам нового поселения в Среднюю Азию в 14 эшелонах было отправлено 37.713 балкарцев. Из этого числа 52 процента составляли дети, 30 — женщины, 18 процентов — старики и инвалиды. С 1 апреля 1944 года до сентября 1946 года в Казахстане и Киргизии умерло 4849 балкарцев, а это каждый восьмой переселенец», - приводит печальную статистику Аминат.

Присутствовавшая на этом мероприятии культуролог и журналист, руководитель Центра этнопроблематики в СМИ и межконфессиональных исследований при Союзе Журналистов России Сулиета Кусова-Чухо. Сулиета рассказала о том, как, работая на телевидении в Нальчике должна была в каком-либо селе Балкарии снять фильм о собаке- среднеазиатском алабае. «Мне рассказал мой друг балкарец, что когда выселяли балкарцев, то собака так долго бежала за «студебекером», который увозил ее хозяина, что повредила себе переднюю лапу и хромала. Оставшись в осиротевшем селе, эта собака стала выполнять обязанности хозяина: открывала загон, выпуская овец на волю, вечером загоняла их в кошару» , - рассказывает Сулиета. Она вспоминает, что они зашли в какой-то дом, где хозяева совершали поминки по ушедшей 40 дней назад матери. «Выразив соболезнование родным умершей хозяйки этого дома, мы уже собирались ехать дальше, как вдруг я увидела лежащего у входа в дом собаку. Ту, что нам было нужно по сценарию, И даже хромала собака на переднюю лапу. И тут, я думаю, не обошлось без помощи Всевышнего: фильм мы сняли за полдня», - считает она.

Сулиета Кусова–Чухо, с чувством горечи рассказывала о тех селах, откуда в 1944 году были увезены в ссылку балкарцы. «Там прекрасная природа, но эти села брошены, вернувшиеся из изгнания люди стали селиться на плоскости, оставив свои родовые гнезда на волю ветра, дождей и солнца. Некогда уютные дома, согревавшие людей, в чьих стенах рождались и умирали целые поколения балкарцев, нынче превращаются в окончательные развалины, просто в груду камней.. Это горькое зрелище», - говорит Сулиета. Она предложила молодым людям заняться восстановлением этих сел. «Этим самым вы вернёте очаги теням ваших предков, чьи души упокоятся у родных очагов», - призывает женщина к действию молодых балкарцев

На фото - остатки домика известного балкарского поэта и писателя Кайсына Кулиева в его родовом селе Эл-Тюбю в Карачаево-Черкессии.

Она считает, что древняя Балкария должны возродиться в том виде, в котором она была оставлена 8 марта 1944 года.

Юсуф Джаппуев говорит, что балкарцев выселили в то время, когда большинство мужчин сражалось на фронтах Великой Отечественной войны. По архивным данным 17 тысяч балкарцев к моменту выселения служили в рядах Красной Армии.

Среди тех, кто воевал и был неоднократно ранен был и известный поэт и писатель Кайсын Кулиев. О том, как воевал Кайсын Кулиев можно рассказывать много. Пришлось ему какое-то время по приказу командования заняться военной журналистикой. Бывшему боевому парашютисту, сначала не понравилась работа в газете, она показалась ему скучной и незначительной. У Кайсына не было никакого журналистского опыта. Он стал нарушать дисциплину военных корреспондентов — ходил в атаки, не имея на это права, к назначенному сроку не возвращался с передовой в редакцию. Бывали случаи, когда он забывал, что его первая обязанность — посылать в газету нужные ей материалы, а не ходить в атаки. Во время боя на Макензиевых горах, недалеко от Севастополя Кайсын Кулиев был ранен. Его отвезли в симферопольский госпиталь.

Кайсын Кулиев вспоминает: «Через несколько дней в нашей маленькой офицерской палате неожиданно появился командующий 51-й армией генерал Крейзер. Я удивился. Он мне всегда нравился. Был молод, строен, серьезен. Я лежал в гипсе, не мог встать. Командующий, подойдя к моей койке, сказал, что привез мне орден Отечественной войны II степени, которым я награжден. Я сказал генералу, что мой народ переселен, моя мать и близкие тоже. И, может быть, я теперь не имею права на орден. Крейзер ответил, что я был представлен к награде за мои личные заслуги. Он добавил: «От имени Президиума Верховного Совета СССР вручаю Вам орден и поздравляю Вас. Желаю скорого выздоровления». Я приподнял голову и ответил: «Служу Советскому Союзу». В начале весны я был принят в члены Коммунистической партии. Секретарь парткомиссии привез мне в госпиталь партбилет».

Николай Тихонов в конце 1944 года добился, что Кайсын Кулиев может жить в любом городе СССР, кроме Москвы и Ленинграда. Но Кулиев отказался от такого предложения и поехал в Киргизию, туда была выслана его мать и сестры. А перед этим он приехал в Верхний Чегем, в маленькое горное село Эл-Тюбю. Переночевал в скале, где он родился и где сохранился еще запах его родного дома и ветер еще не успел развеять пепел от домашнего очага. И поехал в Киргизию, где его ждали родные.

Присутствующие на вечере памяти рассказывали о судьбах своих родных, которые помнили, как тяжело жилось тем в годы депортации. Одна из них Люба, с трудом сдерживая слезы, поделилась рассказом своей бабушки, которой в 1944 году было всего 5 лет. «Она оставалась дома с больной бабушкой, в то время, как все взрослые целый день были на работе. Там же им давали и еду», - рассказывает Люба. По ее словам, пятилетняя малышка должна была идти к тому месте, где работали ее родители, и те давали ей еду для бабушки. Однажды не доходя до барака, где они жили, на девочку напала стая бродячих собак. Под их натиском девочка упала на землю. «Она упала на живот и со всей силы прижимала к себе узелок с едой, в то время. Как собаки кусали ее за спину, руки. И только появление казаха, который лопатой отогнал собак, спасло девочку от смерти», - рассказываете Люба.

Девушка сказала, что бабушки ее уже нет в живых, «И мне очень ее не хватает. Бабушка была удивительно добрым и гостеприимным человеком. Я не видела ее сердитой, Она старалась всех помирить, если вдруг возникал конфликт. И всегда любила повторять, что все люди должны жить дружно, Чтобы больше никогда не повторилось то, что было с ней и ее семьёй», - сказала напоследок Люба.

Президент “Эльбрусоида” Ильяс Богатырев отметил, что нельзя забывать о том, что произошло 74 года назад. «Нужно помнить и делать все, чтобы это никогда не повторилось», – сказал он. По его мнению, чтобы виток истории не остановился на точке, соответствующей 1944 году, нужно быть плечом к плечу не только с соседями по региону, с теми, кто пережил депортацию, но и с теми, кого этот ужас ссылки миновал.

В связи с этим, по мнению Ильяса, настораживает тот факт, что в последние годы почти по всей России Сталина вновь начали ставить на пьедестал. Объяснение этому одно и то же; мы чествуем Верховного главнокомандующего Красной армии, который победил Гитлера и кто превратил Советский Союз в великую державу, равную Соединенным Штатам Америки. «Но ни слова о миллионах мужчин и женщин, которые страдали во времена его правления. И ни слова о тех, кого Сталин депортировал, приказывал казнить. Словно эта часть истории стерта из коллективной памяти», - говорит Богатырев. По его словам, нужно добиваться, чтобы понесли наказание те, кто причастен к этому ползучему возрождению культа Сталина. «И здесь нужно объединение всех, кто пострадал в годы репрессий», - считает Богатырев.

Малика Зубайраева

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

«Их ищут и ждут» - постоянная рубрика о людях, пропавших без вести во время двух войн в Чечне. Начало - в «ДОШ» № 4(30)2010, продолжение – во всех последующих выпусках.

История семьдесят седьмая

ОН ОТВЕТИЛ, СМЕЯСЬ: «НЕ ЗАБИРАЛИ»

Мать Лом-Али Бибиева Деши Маштыкова.

Лом-Али Индарбекович Бибиев, 1976 г. р., похищен российскими военнослужащими на блок-посту села Верхатой Веденского района 12 июня 2002 года.

Человека закаляют трудности. Инстинкт самосохранения – сильнейшее чувство. Но зачастую сильные люди становятся черствыми, они теряют человечность, им становится чуждо сострадание. Сила в том, чтобы остаться добрым, несмотря ни на что. Моя героиня не отчаялась, но она устала. Да, вот что я угадывала в ее позе – поникшая голова, в сложенные руки, в опущенном взгляде: бесконечную усталость. Людское безразличие измучило ее. Равнодушие таких же, вероятно, сильных людей, не испытавших того, что выпало на ее долю.

Деши живет в селе Элистанжи Веденского района Чеченской республики. У нее большая семья. Родителей давно нет в живых, но есть женщина, заменившая Деши мать, и назвать ее мачехой как-то не поворачивается язык.

«Да, жить нелегко. Мне часто кажется, что будь мой сын Лом-Али с нами, все было бы по-другому. Он был очень шустрым. Личная жизнь у меня не сложилась… Нет, не подумайте, никаких ссор, разборок. Просто так вышло, что жили все больше врозь. У мужа были постоянные поездки на длительное время. Так в двадцать четыре года я осталась одна с тремя детьми при живом муже. Моя мама Белисат умерла, когда мне было 12 лет. Отец вскоре женился, потому что кому-то нужно было за мной присматривать. Он умер в 1996 году, но мама с нами с тех пор. Дай ей Аллах здоровья! Своих малолетних детей я оставляла с мамой, а сама ездила на различные заработки, чтобы прокормить семью. Так мы и жили в моем отчем доме в Элистанжи. Война началась стремительно. В селах ее никто не ожидал, не знаю, как городские жители. Что она принесла людям? Только разруху смерть, разруху, а скольких живых лишила крова! Да, она многих сделала бездомными. Кому-то позже помогли компенсацией, еще чем-то. Мне никто не помогал, кроме Красного Креста: он подарил нам холодильник и аппарат для попкорна.

В 2002 году я с Лом-Али жила в селе Дышне-Ведено, это тоже в нашем Веденском районе. Наш дом находился прямо за комендатурой. Они чуть что, забирали молодежь, живущую поблизости: видимо, так удобнее, меньше хлопот… За несколько дней до того проклятого 12 июня двоюродный брат мужа Ахмад забрал Лом-Али с собой в Грозный. Сказал, что будет приглядывать за ним. Отправить его к своим в Элистанжи я не могла, его там постоянно допрашивали, почему приехал, если прописан в Дышне-Ведено. Так и вышло, что его я отправила в Грозный, а сама поехала в Элистанжи выкопать картошку, чтобы передать сыну и семье Ахмада в Грозный.

Прошло дня четыре. Как потом оказалось, Лом-Али, услышав, что в Элистанжи были проверки, решил приехать, проведать брата старшего, бабушку. На рейсовом автобусе Грозный – Элистанжи они проехали все посты, кроме последнего, который находился у моста, ведущего в наше родное село. Из молодежи в том автобусе были только Лом-Али и еще один мужчина постарше. Конечно, сына сразу сняли с автобуса для проверки документов. У Лом-Али была с собой только справка о том, что он подал документы на получение нового паспорта (старый он потерял).

Снял его с автобуса солдат по имени или прозвищу Богдан. Сказал: «Проверим и отпустим». Однако проверка затянулась, а когда водитель автобуса сказал, что без него они не уедут, солдаты пригрозили обстрелять автобус со всеми пассажирами. У водителя не было другого выхода, кроме как уехать. В это время я уже накопала картошки, собрала еще продуктов и собралась домой. По дороге встретила женщин с того автобуса, слышала, как они говорили про парня, который с ними ехал, а его задержали солдаты. Еще подумала про себя: «Как хорошо, что Лом-Али не здесь!»

А душа почему-то не на месте. Такая тревога вдруг накатила: в висках стучит, сердце замирает. Я присела, пытаюсь отдышаться, а с места сдвинуться сил нет. Подняла глаза и вижу свою сноху Тоиту, она со всех ног бежит ко мне навстречу.

Она не сразу сказала… Поначалу только передала, что мама просит меня не уезжать сегодня, вечереет, лучше поехать завтра. И мы пошли домой. Всю дорогу молчали: Тоита не проронила больше ни слова. Мне все стало ясно. Я сама, первая сказала ей: «Тот мальчик мой сын?» Это был даже не вопрос. Она обняла меня и разрыдалась.

Я не хотела терять ни секунды. Доводов старшего сына, который пытался остановить меня, я просто не слышала. Но разум подсказал, что я могу навлечь беду и на всех близких. На следующий день я отправилась на блок-пост, к солдатам. «Не забирали!», - ответили мне. Я поехала в Дышне-Ведено. Там подала заявление в милицию, прокуратуру, комендатуру и главе администрации. В то время прокурором был Муса Кириллович (фамилию не помню), он сказал, что дает мне гарантию, что мой сын вернется домой. Мол, он не в розыске, ни в каких списках его нет. Словам представителей власти я мало верила, поэтому на следующий день отправилась по всем органам со свидетелями – пассажирами автобуса и водителем.

На блок-посту я очень сильно кричала, намеренно. Звала сына. Мне казалось, его держат где-то в яме, я его голоса не услышу, но он услышит мой. Тот самый Богдан, который снял его с автобуса, подошел ко мне, смеясь. Я обратилась к нему: «Вы задержали моего сына?». На это бодро отрицал. Я спросила: «Семья есть у тебя? Ты же не молодой, и мать, и супруга наверняка есть. Дай Бог, чтобы они рыдали так же, как сегодня я перед тобой!» – «Не говори, не говори так!» - прокричал он мне. Я спрашивала его, плача: «Что он вам сделал, кто вам указал на него?!» На что он мне тихо ответил: «Мы его передали начальнику временного отдела в Шали».

Свидетелей своих я попросила ехать домой. А сама прямиком направилась в Шали (город в Чеченской республике). Там, конечно, все отрицали. Просто вырвали мирного человека из жизни, да так, что и следа не осталось. С тех пор я ничего не знаю о его судьбе. Обивала пороги, но тщетно.Я так всегда берегла моего Лом-Али, ходила за ним по пятам, казалось, если буду рядом, то любой беды его заслоню. Родственники говорили: «Перестань ты к нему привязана, нельзя так, это не к добру». Даже дочка ревновала. А он был такой простодушный, верил каждому, всех людей любил.

С тех пор я не закрываю дверь нашего дома. Вдруг придет Лом-Али, дернет ее, а она закрыта? И подумает: «Мама вовсе не ждала меня, раз дверь заперла». Не бывать тому! Наша дверь всегда открыта».

История семьдесят восьмая

«РАЗВЕ МЫ НЕ ПРЕДАЛИ ИХ?»

Я тебя искала рядом
И кричала громко вдаль:
Отзовись, прошу, хоть взглядом
Прямо по сердцу ударь!
Я искать тебя хотела
Только лишь среди живых,
А потом искала тело –
Не нашла тебя средь них.
Но еще лежит немало
«Неопознанных» вокруг.
Даже мать бы не узнала
Сколько дней гниющий труп.
Чью-то кость собаки гложут –
Их стреляют, но не всех.
Кто простить за это может?
Бог простит ли этот грех?
Сколько без вести пропавших
Ты готовишь нам, война?!
Им, приказы отдававшим,
Даже смерть твоя страшна.
Морги трупами забиты…
Не ищу тебя средь них.
Не хочу – среди убитых,
Я найду – среди живых!

Гуля, сестра двух пропавших братьев, 1995 год
(Фамилия автора неизвестна)

Аслан Магомадов (на фото - слева) с другом Сурхо, с. Сержень-Юрт, 1997 год

Аслан Джалаудинович Магомадов, 1977 г.р., похищен российскими военнослужащими в январе 2000 года в городе Грозном, куда он отправился проверить, цело ли его имущество.

Как-то в обычный понедельник раздался звонок.
Я отозвалась и услышала на другом конце провода тревожный голос неизвестной женщины. Она интересовалась, почему поиск без вести пропавших приостановили, вместо этого занялись бумагами. Что я могла ей ответить? Что психологи советуют нам не лелеять напрасных надежд? Что исчезнувших уже никогда никто не найдет? Что они были, но теперь их словно бы и не было? Я сказала: «Мы расскажем о вашем брате всему миру, приходите. Я о нем напишу, это единственное, что я смогу сделать сегодня для вас».

Она пришла в офис чуть раньше меня. Войдя, я застала ее стоящей перед огромным плакатом, что висел в приемной. Она гладила ладонью фотографию и тихонько плакала. Когда почувствовала мое присутствие, она радостно воскликнула: «Это мой брат! На этом плакате. Прихожу к вам, вижу его, и кажется, будто встречаю его живым».

«Когда началась первая чеченская война, вся наша большая семья встретила эту агрессию у себя дома, в Шали, - начинает свой рассказ Зара. – События развивались стремительно, но тогда из наших родственников никто не предал. К началу второй, конечно же, никто готов не был. В том году у нас резко увеличилось поголовье скотины. Наша мама Паллада сильно переживала, что станется с животными. Нас, детей, отправила к своим родственникам, кого куда. Аслан решил, что надо проверить, цела ли наша квартира в Грозном. Точной даты я не помню, но в конце января 2000 года он туда отправился. С ним были его товарищи, их имен я сейчас тоже не припомню. После всего, что с нами случилось, с памятью тоже творится что-то неладное: воспоминания с каждым днем тускнеют, будто смываются.

Проходили дни, а от Аслана ни весточки. Мы начали беспокоиться. Еще через неделю я отправилась на поиски. Выяснила, что, когда город окружили, он точно вышел из него вместе с мирными жителями. Я нашла людей, которые его видели. Он все повторял: «Моя сестра будет искать меня. Я должен передать ей, что жив, и сообщить, где нахожусь».

Я помню тот вечер, когда после очередного дня тщетных поисков вернулась домой и узнала, что Аслана показывали по каналу РТР «Вести» среди плененных в селе Комсомольское, Урус-Мартановского района. Меня одолевали смешанные чувства. С одной стороны – радость, что живой, с другой – недоумение, почему он там. Конечно, я сразу обратилась с письмом на телеканал, перекопала все и нашла эту запись».

Прервав запись на диктофоне, я вставила тот самый диск. Село Комсомольское, видели ли другие села такой же ужас, какой творили русские солдаты на твоей земле? На видео мужчины, некоторые совсем юные, идут с поднятыми руками, кто-то хромает, а вот мелькнул высокий молодой человек, обросший, но с идеальным профилем, словно высеченным из камня.

«Вот он!», - указывает на монитор Зара. Я удивленно спрашиваю, как же они его узнали. «По профилю», – отвечает она.

«Прошло несколько дней, и я поехала в Урус-Мартан (город в Чеченской республике). На УРАЛе туда привезли трупы. Все сотрудники МЧС были в белой одежде. Картина, как в фильме ужасов. Словами не передать. Я всматривалась в каждый труп, но брата среди них не нашла. Искала по одежде, потому что почти все мертвые были обезображены.

Сначала я остолбенела при виде их. Стояла, словно в трансе. Казалось, это все происходит в кошмарном сне, не может быть такого в реальности. Что-то изнутри подкатывало к горлу, я чувствовала, как боль оковывает меня, в горле спазм – не могла сделать глоток. Потом все-таки собралась, сделала глубокий вдох, сказала себе: я должна искать. Мне надо найти брата, во что бы то ни стало. Нельзя расслабляться. Я не могла позволить себе истошные рыдания, что слышала вокруг. Не сейчас. Только искать, переворачивать каждый труп, кем-то любимого сына, брата, мужа, отца. В их карманах я находила обгорелые, окровавленные фотографии матерей, возлюбленных, зубчики чеснока и зерна кукурузы. Когда я вконец обессилела, руки опустились, до меня донеслись голоса двух женщин, они подозвали меня к себе. Они заботливо поворачивали каждый труп и показывали мне. Многим они так помогли тогда. Очень сильные женщины. Сейчас я осознаю, что боялась его найти. В тот день я чуть разума не лишилась.

Аслан Магомадов с матерью Палладой и сестрой Зарой, г. Шали, 1999 г.

15 лет ждала его наша мать. Ее диван стоял напротив двери, она не разрешала переставлять его в другое, более удобное место. Потому что каждый день ждала, что Аслан вернется. Хотела первой увидеть его на пороге. Вот уже третий год, как ее нет с нами. Когда отчаяние одолевало меня, я думала о тех, кому еще хуже. У кого забрали всех сыновей, не только одного.

Аслан был очень добрым и спокойным. Я самая старшая в семье, отец с матерью постоянно работали, чтобы прокормить нас, и конечно, вся ответственность была на мне. Аслан никогда не пререкался, не баловался, не отказывался делать уроки, как большинство мальчишек. Вырос трудолюбивым, имел способности к ремонтным работам.

Сегодня, куда бы я ни обращалась за помощью, мне говорят: «Он был в Комсомольском, значит, бандит». Но при этом у нас есть уголовное дело, возбужденное по факту похищения. Я поражаюсь нашим людям. Хорошо, пусть будет бандитом. В любом случае голосом большого государства, называющего себя державой мировой и правовой, заявлено, что мой брат пленен. И я считаю себя вправе требовать у государства отчета о дальнейшей судьбе пленного, а потом – доказательств его вины. Разве я требую невозможного? Почему я вижу своего брата живым на телеэкране, словно он просто мелькнул в кадре фильма и исчез, а может, и вовсе вымышленный персонаж, по мнению режиссеров этих ужасов? Почему сегодня никто не говорит о пропавших? Почему нигде нет ни одного камня с их именами? Разве мы не предали их? Вот от этого всего тяжелее».

«ВОЙНА УЧАСТВУЕТ ВО МНЕ»

Не стало Султана Яшуркаева – выдающегося поэта, прозаика и публициста.

Писатель скончался в Бельгии, где он прожил с семьей последние 18 лет своей жизни, и похоронен в Чечне.

Султан принимал определённое участие в работе редакции журнала «ДОШ» в первые годы его становления. Многие зачитывались его репортажем, в котором он рассказывал о том, как обустраиваются соотечественники из первой волны чеченской эмиграции в Европе. Потом были потрясающие и трогательные рассказы Яшуркаева о депортации «Картошка», «Напса», чуть позже – слово о творчестве замечательной чеченской поэтессы Баны Гайтукаевой, предсказавшей в своих стихах и прозе надвигавшуюся войну еще за несколько лет до ее начала, но не дожившей до неё полтора года и ушедшей от нас в возрасте 33 лет.

Писал Яшуркаев и на другие темы, зачастую остро актуальные, злободневные, но о чем бы ни шла речь, его видение и ход мысли отличались неповторимым своеобразием. Однажды Султан попросил разрешения поработать редактором – ему, как творческой личности, вздумалось попробовать себя и в этой непривычной сфере литературной деятельности. Он тогда отредактировал бо'льшую часть текстов одного выпуска нашего журнала. Его дружеские и творческие контакты с нашей редакцией принимали различные, подчас неожиданные формы, хотя отношения у нас, как часто бывает в творческой среде, и не всегда складывались гладко и безоблачно. Уход из жизни Яшуркаева – без преувеличения, невосполнимая утрата для национальной литературы и даже шире – культуры.

Отдавая дань памяти Султану Яшуркаеву, его друг, коллега - писатель и переводчик Ирина Васюченко, она же литературный редактор журнала «ДОШ», вспоминает, каким был ее современник.

Султан Яшуркаев, он же Юрий Сэшил, писал замечательные стихи по-чеченски и был автором сильной военной прозы на русском языке. Можно бы обойтись в рассказе о нем без цитат из другого поэта. Но уж очень подходят здесь эти слова Юрия Левитанского, умершего от разрыва сердца в московской мэрии, выступая с протестом против чеченской войны на «круглом столе» творческой интеллигенции. Старый фронтовик-орденоносец войну ненавидел. Мечтал забыть о ней. Но она его догнала. И убила. Не та, так эта.

«Не я участвую в войне, война участвует во мне», – Султан Яшуркаев мог бы так сказать о себе даже с бОльшим основанием. Он-то, в отличие от Левитанского, и впрямь не воевал. Уже не молодой мирный человек, юрист и писатель, он без оружия в руках пережил обе чеченские бойни. Его глаза интеллигента, книгочея, художника видели вблизи такое, отчего и куда более черствое сердце могло разорваться. А зная его, трудно удержаться от мысли, что так и случилось. Что недавняя кончина пожилого чеченского литератора-эмигранта в тихой далекой Бельгии была на самом деле смертью от ран, нанесенных в те кошмарные дни его душе. Душе, не принимавшей насилия, не безразличной даже к страданиям муравьев, гибнущих в обледеневшем муравейнике, цыпленка, что задыхается в яйце, не в силах пробить скорлупу. У него есть об этом стихотворение, вряд ли опубликованное. Султан однажды прислал его нам с мужем в дружеском письме, потому и знаю. В памяти из этого стихотворения

Султан Яшуркаев с младшим сыном и женой Розой. Фото Георгия Зингера.

осталась строчка, тронутая грустной усмешкой: «Людей боюсь, животных люблю».

Да, мы дружили и одно время переписывались, еще как. Когда пришла печальная весть, я заглянула в память компьютера, перечитала нашу давнюю переписку – 13 печатных листов! Переплетенные на манер книги, те послания могли бы тягаться с эпистолярными французскими романами XVIII века не только по весу. Три года мы, подобно их велеречивым персонажам, обменивались философемсами о судьбах мира и культуры, воспоминаниями детских и юношеских лет, читательскими пристрастиями и антипатиями, проклятьями в адрес бюрократов всех стран и народов, жалобами на бытовые неурядицы и хвори, своими сочинениями в прозе и стихах, всерьез и в шутку. Как-то мне даже был прислан кулинарный рецепт, раз-другой – рассказан сон (подозреваю, вымышленный: мой корреспондент, даром что философ пессимистического склада, отличался ребячески богатой фантазией, которая не зря слывет признаком гения). Но главной темой диалога оставался вопрос, неотступно мучивший Султана: не пора ли бросить писание, дело вдвойне безнадежное в такие жестокие времена и при его слабом даровании?

Здесь начиналось лукавство – в глубине души Яшуркаев прекрасно знал, что талантлив. И все же одолевало чувство бессилия. Мучила оторванность от своей аудитории, родного края, языка, но главное, не отпускали впечатления кровавого безумия, поругания всего, ради чего стоит творить, да по сути и жить. Ему казалось, что мир катится к гибели. Мои не блещущие оригинальностью ссылки на пример музыкантов с тонущего «Титаника» и т.п. действовали, но непродолжительно. Как обезболивающая таблетка. А между тем потребность в творчестве у него была огромная, прямо титаническая. Противостоять ей он не мог. И вряд ли всерьез хотел. Терзаясь сомнениями в смысле происходящего, Султан продолжал сочинять. Начав изучать нидерландский язык, и то вскорости не устоял перед искушением стишок придумать по-голландски…

Наше знакомство, поначалу одностороннее, помню очень хорошо, но в каком это было году, уже не сообразить. Я сидела за компьютером, работала, как вдруг из соседней комнаты донесся крик мужа (а у Георгия кричать не в обычае):

– Иди сюда! Бросай все! Тут такое!..

Шла передача «Свободы». Читали какой-то текст. Георгий торопливо записывал на первом подвернувшемся мятом клочке: «Яшуркаев. «Ях».

Кто-то, видимо, этот самый Яшуркаев, рассказывал подробно, по видимости спокойно, как ему жилось в Грозном в дни «первой войны». Как бомба разнесла его библиотеку, а он так надеялся ее спасти… Что сталось с соседями. Как погибла любимая собачка. И кошка. Теленку, чужому, оставленному на его попечении, тоже не повезло.

Мы не маленькие. И не принадлежим к числу тех оптимистов, которые так берегут свой «позитивный настрой», что ничего не заметят, даже если людей начнут убивать прямо у них под окнами. Что происходит в Чечне, мы понимали… отчасти. Этот неизвестный приблизил изображение так, что, казалось, можно протянуть руку и прикоснуться к вещам гибнущего на глазах мира. Услышать голоса, увидеть лица обреченных. Но это не все. В интонации повествователя чудилась мощь прямо толстовская. Этот писатель, чье имя мы впервые слышали, сумел рассказать о том, каково человеку перед лицом непосильного. Рассказать так, чтобы придать нашей смертной жалкой уязвимости одухотворенность и достоинство.

Позже выйдет книга Яшуркаева «Царапины на осколках», там будет все это и многое еще. Но такой ошеломляющей концентрации впечатления, как в том на редкость удачно сокращенном тексте, эта не лишенная слабостей, хотя все равно очень значительная книга не достигнет. Султан недаром с благодарностью вспоминал Анатолия Стреляного, готовившего ту передачу. Он, не выносивший редакторских вмешательств в свои работы, для него одного делал исключение.

Что до переписки, поводом для ее начала послужила моя рецензия на «Царапины», вышедшая в «Дош» в 2003-м году. Автор отозвался письмом. Таким большим и взволнованным, что нельзя было не ответить. Диалоги подобного рода обычно вскоре выдыхаются. На сей раз вышло иначе. Первоначальная скованность быстро исчезла, возникла приятельская манера. К тому же Султан, ссылаясь на свою неопытность в филологической премудрости, все время просил у меня профессиональных советов. На самом деле со-

веты ему были ни к чему. Он весьма горячо за них благодарил, но никогда им не следовал. Наши беседы строились по известному принципу «движение всё, конечная цель ничто»: они были самоцелью. Султану, тосковавшему на чужбине, надо было выговориться. Вот почему я узнала о том, как затерялись, может быть, безвозвратно, многие важные для него рукописи – повесть «Арбузные корки», которую он считал лучшим своим произведением (еще оставалась надежда, что она найдется), рассказы, чьих названий ему уже и не вспомнить, почти готовый сборник лирических стихов на чеченском… . Почему? – «Бомба упала на мой письменный стол!»

Грустя о своих «без вести пропавших» произведениях, Султан признавался, что они особенно дороги ему тем, что в них не было ни политики, ни войны. «Даже жалею, что и книгу ту написал, которую вы похвалили. Втащил себя в совершенно себе чуждое дело. Это просто нервы рвутся… »

Как же им было не рваться? Между тем ему-то «хотелось писать о любви, а русско-чеченские отношения и их войны – это мое проклятие, вернее, их проклятие, которое я по глупости или еще почему-то взял на себя».

Его страшно тяготило это противоречие между стремлением вольной души творить, ни на кого не оглядываясь, и причастностью, кровной и культурной, к двум не поладившим между собой народам. Как быть, – риторически вопрошал он, – такому человеку, который «чеченцев не может ненавидеть, потому что чеченец, русских – потому, что они сделали его хотя бы полуинтеллигентом… »

Ох уж эти его «полу-», «хотя бы»! Гордый, как орел, Султан Яшуркаев своей гордости стеснялся до смешного. Все пытался скрыть ее, изгнать, да так, что это даже шло во вред его прозе, по большей части построенной на автобиографическом материале. Упорные старания не допустить в повествование от первого лица гадкое, нескромное местоимение «я» приводили к натужным перекосам синтаксиса, фраза ежилась и горбилась, но автор был неумолим. Мои пресловутые советы, якобы столь важные и драгоценные, но никогда ничего не менявшие, и тут не помогли. Интересно, хоть подчас и досадно было видеть в такой крупной, незаурядной натуре детское упрямство типа «назло бабушке уши отморожу» – так она мстила за себя, его непризнанная, но неукротимая гордость.

Что до ненависти, злоба была не по его части. В глубину сознания не проникала наперекор всем пережитым испытаниям – бывают души, не созданные для нее. Однако раздражение, поверхностное, но резкое и подчас несправедливое, овладевало им часто. Нервы, изодранные так беспощадно, уравновешенности не способствуют. Из-за этого Султан, бывало, запальчиво противоречил не только собеседнику, но и собственным вчерашним суждениям. Мы с ним только и делали, что спорили. Важно, глубокомысленно, как лермонтовские Казбек с Шат-горою. Но не ссорились. К вопросам по-настоящему серьезным Яшуркаев подходил, как подобает человеку мыслящему и сильному духом. В частности, говоря о чеченской трагедии, не снимал ответственности с себя и своих соотечественников: «Мы – народ, мы – общество, мы – национальная интеллигенция позволили взять себя в заложники людям, не способным привести ни к чему хорошему», – считал он. Полагал, что любые злодеяния противника, вся его неправота – не повод забыть о своих ошибках, о собственной глупости и вине. Грустил, что у соплеменников такая рефлексия не в чести. Важнейший политкорректный запрет обвинять жертву в ее беде заслуживает абсолютного почтения. Но вторая беда, если жертва, будь она хоть личностью, хоть целой нацией, решит, что и сама отныне вправе ни в чем себя не обвинять, ибо ее статус пострадавшей – залог правоты.

Так считал Султан и, чувствуя за собой долг писателя быть совестью своего народа, признавался, что

Родная речь **Султан Яшуркаев**

Побудь со мной, родная речь, не покидай в чужом краю!
Ты просто рядышком присядь, тоску баюкая мою.
Я песен больше не прошу, пойми, мне только б снова
Услышать музыку твою, напрасный зов былого.

Ты далеко. Ты так давно не говоришь со мной!
И я молчу тебе в ответ бессильно, как немой.
Что мне осталось, сироте, утратившему мать?
Безумцев, разлучивших нас, терзаясь, проклинать?

Я так устал, что не ищу уже высоких слов.
Твои вымаливать дары не стану для стихов.
Позволь лишь рядом посидеть с тобой, не уходи.
Ведь песню первую испил я из твоей груди.

мог бы высказать братьям-чеченцам немало горьких истин. Но знает: слушать не захотят, чего доброго, еще обозлятся. Даже самые понимающие из друзей и единомышленников, стоит затронуть по-настоящему больную тему, шарахаются и бормочут: «Да, это правда, но… зачем говорить об этом?»

Ни одному русскому не надо объяснять, какого рода здесь срабатывает механизм. У нас заговоривший о чем не положено именуется «нацпредателем», патриот же чутко улавливает, когда уместно кричать о многострадальной отчизне, а когда помалкивать в тряпочку или с пеной у рта отрицать даже саму очевидность. А как знакомо для русского человека звучит сегодня, к примеру, этот пассаж из письма эмигранта-чеченца: «Мы никак не можем выбраться из своего ветхого фольклора, из нескольких развалившихся башен в горах, депортации в Казахстан, нескольких наших героев, которые были всем героям герои! Никогда не слышал от нашей интеллигенции разговора о том, что нам надо выбраться из этого «архива», осмыслить свое пребывание в XX-XXI веке и какие ориентиры должны мы себе наметить. Сам его не читал, но слышал: у нас есть некий Нухаев, мультимиллионер, кстати, который доказывает, что чеченцы народ особого менталитета и должны жить в своей непорочной девственности в общинном строе и никакой цивилизации! Сам при этом живет, конечно, далеко от Чечни, в бурном водовороте рыночной экономики!»

Яшуркаев ясно видел черты опасного сходства чеченцев и русских. Последние (как не понять?) вызывали в нем порой такое отчаянное раздражение, что он принимался доказывать, к примеру, будто русского языка, на котором написаны его самые известные произведения, строго говоря, вообще не существует, это не более, чем смесь чужих наречий. Или что Пушкин вторичен, «Евгений Онегин», мол, – тот же байроновский «Чайльд Гарольд»… А сам признавался, что смолоду знал «Онегина» наизусть. Всего, с начала до конца! Я, филолог-русист, всего не знаю, а юный чеченец с юрфака выучил. Зубрилой не был отродясь, в те годы – сам рассказывал – был легкомысленным щеголем, хвастуном, ловеласом. И при всем том выучил. Это как же, значит, любил! Но теперь – нет, забыл, разочаровался, «даже перечитывать не стал бы».

«Трещина мира проходит через сердце поэта», – хрестоматийная затрепанная фраза. Но и вчуже больно думать о том, какой глубины трещину причинили сердцу Султана Яшуркаева русские бомбежки и зачистки в родной Чечне. О, мы спорили, разумеется, и об этом – о языке, о Пушкине. Но ни давно умерший русский классик, ни живой наш язык не были настоящей причиной мучительной раздвоенности сознания моего оппонента. «Война участвовала» в нем: с тех пор, как она обрушилась на его дом, его город, его Чечню, кто бы посмел требовать от него последовательности и благоразумия в каждом слове?

А как добр, как заботлив бывал порой Султан! Вычитав из моего письма, что избушка, где мы с Георгием проводили лето, совсем разваливается, вдруг предложил раздобыть для нас, недотеп, стройматериалы, пользуясь еще не утраченными московскими знакомствами. Даже строителя предлагал нанять, чтобы новый домик сколотил! Я вообще заметила, что сама идея строительства дома была необыкновенно мила его сердцу. Бомбы, разрушившие его жилище, не убили этой любви к дому, теплому убежищу человека, семейному очагу. Он, далеко не богач, не скучающий бездельник, был радостно готов на хлопоты и траты, чтобы помочь нам свить достойное гнездо. Когда же я, страшно тронутая, объяснила, почему это и невозможно и не нужно, отозвался с милой самоиронией:

«Как хорошо прослыть добрым и отзывчивым, палец о палец не ударив!»

Европа, великодушно приютившая, но чужая, сплошь и рядом раздражала этого измученного, обостренно впечатлительного человека. Впадая в уныние – то состояние, что «у чеченцев называется настроением лошади, которую послали пасти коров», – Султан брюзжал, кипятился, сулил Европе, как, впрочем, и всему роду людскому, бесславный конец. Однако порой она его восхищала, тогда в своей щедрой горячности он приходил в восторг даже там, где я еще бы посомневалась. Вот, к примеру, нанялся сезонником к фермеру-садоводу груши собирать – и «заработал больше, чем на литературе», и стариной тряхнул. Он тосковал о такой работе: «У меня в родовом ауле тоже есть земля и сад был».

Рассказывает: «Вы бы видели, как работает хозяин сада, в котором мы собирали груши! А его жена! Молодая симпатичная женщина! С 6 часов утра то за трактором, то за подъемником, то на машине, то ящики на руках таскает! А они миллионеры… мультимиллионеры – на своем честном труде, а не на воровстве, как в России… Рядом со мной работал небольшого роста старик Билл. Ему 75 лет. Потом выяснилось, что он тоже миллионер! Оказывается, у него был большой «бурдурей» со стадом коров, это фермерская усадьба здесь так называется, на старость он ее продал и положил деньги в банк. Еще пенсию получает и еще со мной, как “бич”, работает! Вот какие тут капиталисты! У них нет понятия праздности. Они живут и используют каждую минуту отпущенной им жизни. Ни во дворе, ни перед домом у них пылинки не найдешь, ржавого гвоздя не сыщешь. Девяностолетняя бабка выглядит как шестидесятилетняя, ухоженная, не хуже российской телеведущей и каждое утро щеткой на длиннющей палке моет окна третьего этажа своего особняка! Потом катается на велосипеде! Тут велосипед уважают больше машины. Мэр наш, точней, бургомейстер всегда ездит на велосипеде. На машине его и не видел. Как это было бы непрестижно для российского начальника или чеченского хакима!»

Это-то да, но сегодня, будучи без малого ровесницей старины Билла, не могу не заметить, что, имея миллион, нашла бы на склоне дней занятия поинтересней, чем в поте лица своего приумножать накопления, усердствуя на плантации. А Султану и это импонировало – он безмерно чтил «простой труд».

Что он клял на чем свет, так это политику. Но и к ней был неравнодушен себе наперекор. Признавался, сам над собой посмеиваясь, как его волнуют президентские выборы в Украине, ведь «происходит, пусть и условный, выбор не только президента, но и между Россией и Европой. И я на стороне Ющенко, хотя уверен, что лучше украинцам в ближайшие 30 лет ни от того, ни от другого не станет».

С тех пор из отпущенных тридцати минуло тринадцать. Жаль, но пока похоже, что Султан неплохой предсказатель…

Между тем наш эпистолярный диалог длится уже третий год, и все эти долгие месяцы Султан пишет еще одну книгу о войне. На сей раз о второй чеченской. Ее ждут, вот и издательство «Галлимар», одно из крупнейших во Франции, ранее уже выпустившее «Царапины», опять заинтересовалось, – а Яшуркаев знай сетует на себя, зачем взялся, зачем на русском: «Я как-то тут начал почти то же самое на чеченском языке. Написал 6 страниц и бросил. Буквально два дня назад, случайно наткнувшись, прочел это. Не подумайте ничего о нескромности, но ей-богу, показалось, что это настоящая литература. Такая динамика, экспрессия, какая-то упругость, в этих шести страницах столько образов, ассоциативности, метафор!… На целую книгу бы хватило. Даже возникло совершенно беспристрастное чувство, что из этого человека мог бы получится крупный национальный писатель. Хотел перевести оттуда что-то в эту книгу, но нет, ничего не подошло – это совершенно другое. Никакую метафору, никакой образ из чеченского на русский не переведешь».

Тем не менее книга на русском почти закончена. И тут мы с Георгием получаем возможность провести два месяца в Арле. Франция так близко от Бельгии! Султан дает понять, что не простит, если мы его не навестим. И мы едем: в самом же деле нельзя упустить, может быть, единственный шанс встретиться. Мы чувствуем себя уже почти родственниками. Георгий, за это время не раз и не два подававший реплики в нашей с Султаном заочной беседе, хочет этого так же, как я.

Мы никогда не жалели о той поездке. Рослый импозантный красавец Султан с горделивой осанкой и нервными порывистыми движениями, прелестная маленькая хозяюшка Роза, задорные юные сыновья (отец называл их «три мушкетера») – все они и сегодня стоят перед глазами. Славный, гостеприимный дом! По мне, слишком гостеприимный – я, пожалуй, спасовала бы, если бы вовремя не вспомнила, что рассказывается в книге Яшуркаева о чеченском обычае приема гостей. К тому же казалось, что на бельгийской территории диктат традиции, оторванной от родимой почвы, должен слабеть. Увы, нет. Ради нас привезли и заклали барана! Волшебница Роза наготовила из него и еще из чего-то столько вкуснейших блюд, что хватило бы закатить пир правительственной делегации. Но о том, чтобы, в меру угостившись, выйти из-за стола, речи быть не могло. Заметив наши поползновения к бегству, Султан всякий раз обращал орлиный сверкающий взор на жену и произносил с суровым укором:

– Роза! Я же говорил, ты невкусно приготовила! Гостям не нравится!

Ирина Васюченко в гостях у Султана Яшуркаева в Бельгии, 2005 г. Фото Георгия Зингера.

Роза к тому моменту успела очаровать нас обоих не только уютным обаянием и кулинарной виртуозностью, но и благородством, умом, самообладанием. Чувствовалось, что эта женщина понимает Султана, его незаурядность, масштаб личности, уязвимость, боль. Головоломную миссию ангела-хранителя, ниспосланного столь неуемному и сложному смертному, она исполняла тактично, с особенным нежным мужеством, умеющим не бросаться в глаза. Навлекать несправедливые упреки на это живое чудо было бы свинством. И мы ели… ели… снова ели. Как удалось выжить после того раблезианского пиршества, не понимаю по сей день.

Не считая застольных излишеств, опасных для жизни, все было чудесно. Жадно, без умолку говорили. Бродили по окрестностям: Султан показывал нам уже почти свой живописный городок, весь из небольших, но солидных каменных особнячков. В Бельгии такое считается деревней. Семья жила там уже не первый год, Роза нашла недурно оплачиваемую работу и здорово освоила местный язык – можно было надеяться, что скитальцы обосновались надолго. Когда настала пора прощаться, Султан посетовал: «Эх, плохой я чеченец! Это цивилизация меня испортила! Вот бы похитить вас, не отпускать… »

Книга о второй чеченской к тому времени была условно закончена, и Султан попросил меня ее отредактировать. Лестно утверждал, что никому другому доверить этого дела не согласен. Работой редактора «Царапин» он остался недоволен, говорил, что только глубочайшая душевная подавленность помешала ему запретить публиковать книгу в таком виде. Впоследствии я поняла, как это было несправедливо, но в тот момент меня ничто не насторожило. А между тем мое согласие на эту работу предвещало конец нашей дружбы. Мы оба еще не знали, с чем столкнемся. Душа Султана не принимала редакторской правки, этого бесцеремонного насилия над текстом, который в такие моменты кажется живой неотторжимой частью собственного организма. Прикосновение чужих рук, не говоря уж о скальпеле, нестерпимо.

Понимаю. Сама такая. Но я-то пишу на родном языке, редактура моя вторая специальность, самообслуживание мне обеспечено. А русский текст Султана, содержательный, живой, темпераментный, требовал посторонего вмешательства, причем весьма энергичного. Вытерпеть такое надругательство Султан не смог. Мою максимально бережную правку, на которую я, грешным делом, ухлопала массу времени, упразднил почти всю. Объявил, что у него – свой специфически чеченский русский, который нельзя превращать просто в русский язык, сколь угодно прекрасный. Вдобавок с моей нелегкой руки там повылазили претившие рассказчику «я». «Галлимар» же, со своей стороны, не видел возможности принять к публикации книгу, которую никак не перевести с несуществующего чеченско-русского наречия. Ее ни одно издательство не приняло бы в таком виде. А Султан все убеждал себя и меня заодно, что выправит недочеты сам. Особенно если я посоветую, как. Присылал, требуя нелицеприятного отзыва, все новые варианты текста, по-прежнему не пригодные к печатанию без редактуры. И уже с трудом скрывал раздражение, что в ответ я долдоню одно и то же.

Наш диалог, некогда столь ветвистый, свелся к бессмысленным препирательствам на эту единственную тему. Пока однажды не выдохся. Мы не поссорились, еще чего не хватало! Просто устали от бесплодного хождения по кругу. Дело-то ведь было не в чьей-то правоте, а в судьбе книги, на редкость драматичной и талантливой, но похоже, теряющей шанс дойти до читателя. Мне по сей день ее жаль. Уверена, что если не как роман, то как человеческий и исторический документ она неповторима. И будет когда-нибудь прочитана. Ни один народ, ни одна литература не богаты настолько, чтобы бросаться такими драгоценностями только потому, что их поверхность не отшлифована.

В лучшие времена, когда мы еще не зациклились на том последнем споре, Султан, узнав, что я заболела, пошутил в конце одного из писем: «Живите долго. Вы еще должны в журнал «Дош» написать статью о покойном Ю.Сэшиле, оставившем неизгладимый след в отечественной литературе».

Дорогой Султан, Вы оказались правы. Вот она, статья. Мне очень грустно. Прощайте.

Майнат Курбанова

ОНА УМЕЛА ГОВОРИТЬ И О САМОМ БОЛЬНОМ – С ЛЮБОВЬЮ

На фото - автор с Эльвирой Горюхиной и журналистом Акрамом Муртазаевым

Я не помню нашу первую встречу. Я помню последнюю. 13 лет назад, в ноябре 2005-го, мы сидели в полумраке какой-то кафешки на Чистых прудах и говорили о любви. Настроение было такое, что, казалось, сейчас говорить можно о чем угодно. О том, что там, за две тысячи километров, царят безумие и ужас, им не видно конца, год за годом сотни, тысячи людей мечутся во власти кошмара, источник которого здесь, в этом городе-молохе, где мы находимся в эти минуты. Или о том, что завтра на рассвете мне предстоит отправиться еще на две тысячи километров дальше, может быть, навсегда, может быть, на пару месяцев или лет; о том, что в милых ее сердцу Самашках накануне опять провели зачистки и «неустановленные военнослужащие в масках, приехавшие на БТРах», задержали несколько молодых мужчин (она переспрашивала имена задержанных, боялась, нет ли среди них кого из ее знакомых, из тех, у кого она гостила, с кем пила чай и беседовала о «Хаджи-Мурате» Толстого, - она со всеми говорила о Толстом)… Да, о чем угодно, казалось, можно было говорить этим вечером – о погоде, о здоровье, о работе, только не о любви. Но с Горюхиной, о чем бы ни шел разговор, он всегда каким-то чудесным образом оказывался о любви. О том единственном, что – в этом она была уверена – и дает силы, и спасает, и помогает выживать, и имеет значение.

Очень долго сидели, пока посетители один за другим или шумными группами не стали покидать заведение. Официантка вежливо, но регулярно спрашивала, не желаем ли мы чего-нибудь еще, и Эльвира Николаевна каждый раз восклицала: «А! Да-да, спасибо, ничего не надо. Мы уходим, уходим, уходим». Уйти было невозможно, ведь я знала: мы расстаемся надолго. Только не знала, что навсегда.

Когда дорогого человека больше нет, как же трудно об этом писать! Слова в прошедшем времени звучат фальшиво, особенно если пытаешься рассказать о таком неотразимо живом человеке, как Эльвира Николаевна Горюхина. Жизнь играла в ней, как вода ручья, взлетала и порхала, как птица. Ищешь в своей памяти какие-то пафосные моменты, печально-возвышенные эпизоды, связанные с ней, и не можешь найти. Потому что их не было. Потому что о самом возвышенном она говорила просто, о самом грустном – с юмором. О самом больном – с любовью.

Да, и о самом больном тоже. А значит – с любовью о Чечне, которую впервые посетила в 1995–м, когда Грозный да и вся республика лежали в руинах, а российские солдаты еще не привыкли к созданному ими самими апокалиптическому пейзажу «вражеской столицы» и потому фотографировались, сменяя друг друга, на фоне городских развалин. Эльвира Николаевна заговаривала с этими солдатами, и их обескураживало осознание того, что перед ними – учительница. Что эта русская учительница из Новосибирска рассказывает им о Толстом, о Хаджи-Мурате, о кустике репея из толстовской повести. Солдаты не знали, как с этим быть.

После того первого раза она снова и снова возвращалась в Чечню, иногда одна, но чаще со своим другом, легендарным майором Измайловым. Приезжала то в качестве учительницы, то с гуманитарным грузом, то для встречи с заложниками, то просто так, потому что полюбила эти места и людей. Измайлов вспоминал, как однажды, в период между двумя войнами, они с Горюхиной приехали в Чечню с гуманитарной помощью. В один из дней их остановила на дороге группа вооруженных людей, по-видимому, бывших боевиков. Возглавлявший группу мужчина был настроен агрессивно: «Наши люди по тюрьмам сидят в России, а ты, майор российской армии, по Чечне разъезжаешь, гуманитарку развозишь. Из жалости приехал со своей гуманитаркой?» Я не нашелся, что ответить, – признавался Измайлов, – а Эльвира Николаевна сказала им: «Нет, не из жалости. Из-за любви».

Любовью были переполнены ее рассказы об Ачхой-Мартане и учительнице литературы Раисе Гайрахановой. Она с таким восхищением говорила об этой женщине и ее учениках, что мне, все, казалось бы, знавшей об Ачхое, становилось стыдно, что я с Гайрахановой не знакома, чудных ее учеников никогда не посещала, что это не я слушала их рассказы о войне. Казалось, она знала эти сочинения наизусть, все до одного, до единой запятой и до каждой паузы между абзацами. «О Аллах! Ради рожденного и не знающего языка, ради прикованных к постели старых наших людей, ради животных и птиц, не знающих языка нашей республики, остановите войну» - она цитировала эти строчки, написанные ученицей начальных классов ачхой-мартановской школы, и казалось, будто взяты они из классики и давно стали хрестоматийными, миллионными тиражами напечатаны во всех учебниках литературы.

Это от любви так казалось. Оттого, что Эльвира Николаевна честно и просто любила и эту девочку, старательно выводившую свою молитву на листочке бумани, и землю, ставшую ей родной. Понятной. Своей.

И это от любви она, будучи тяжело больной, вспоминала Чечню. Последний раз, когда я услышала ее голос, Горюхина говорила о том, каково это, наверное, – тосковать по Чечне. «Ведь даже я так скучаю по ней! По Самашкам, по Ачхой-Мартану. По чеченцам».

ПРЕДНАМЕРЕННЫЕ УБИЙСТВА

5 февраля 2000-го года, в поселке Новые Алды, что в пригороде чеченской столицы, российские военные совершили многочисленные убийства жителей поселка – по разным данным, во время так называемой зачистки, было убито он 58 до 82 человек, среди которых были женщины, дети и старики, включая людей старше 70-75 лет.

СВОБОДУ
Юбу ТИТИЕВУ
СВОБОДУ
Юбу ТИТИЕВУ
СВОБОДУ
Юбу ТИТИЕВУ